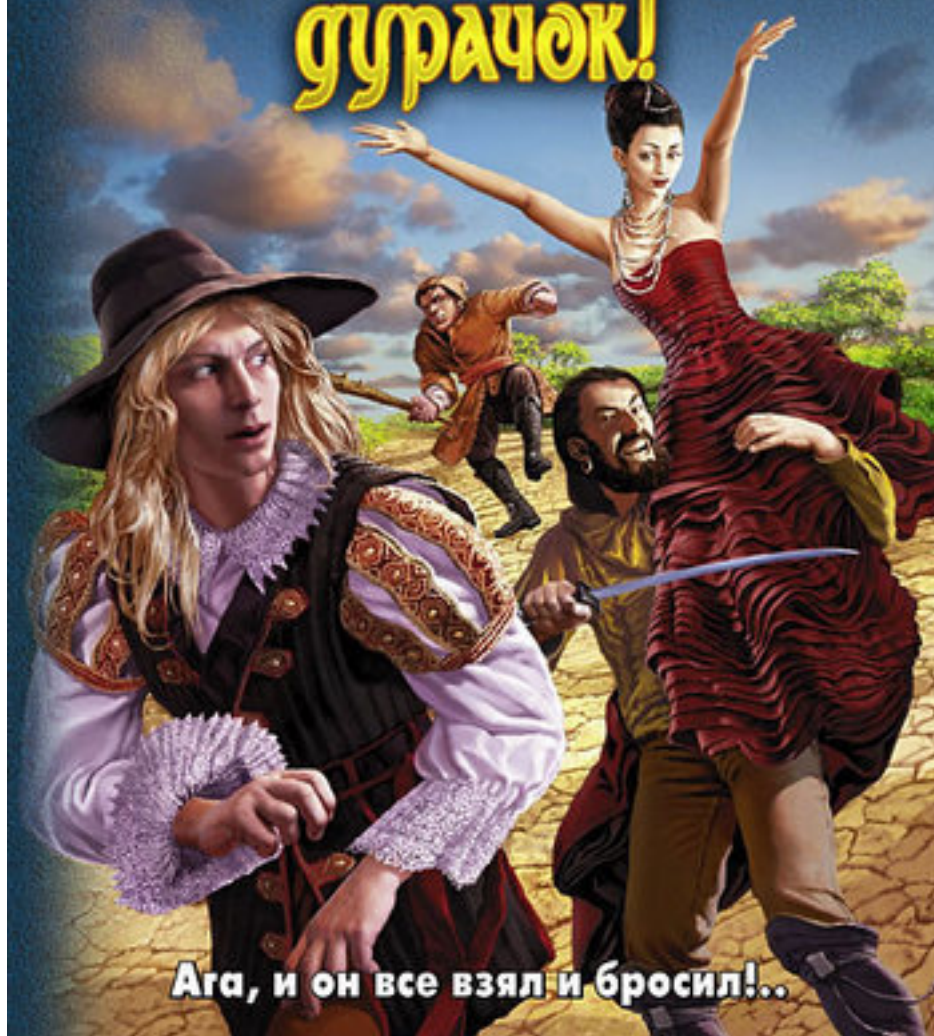

Вера Чиркова

Женись на мне, дурачок!

Ага, и он все взял и бросил!..

Королевское око

Вера Чиркова

Женись на мне, дурачок!

«АЛЬФА-КНИГА»

2011

Чиркова В. А.

Женись на мне, дурачок! / В. А. Чиркова — «АЛЬФА-КНИГА»,
2011 — (Королевское око)

Если молодая и очень состоятельная вдова, миледи Ортензия Монтаеззи, по-пиратски захватывает в плен владельца огромного соседнего имения, юного красавца милорда Зигеля, и принуждает его к браку, можно предположить только одну достоверную причину, а именно безумную страсть. Или на крайний случай меркантильный интерес. А вот как обстоят дела на самом деле, предстоит выяснить королевскому оку Грегу Диррейту, и еще неизвестно, понравятся ли королю результаты его расследования.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	53
Глава 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Вера Чиркова

Женись на мне, дурачок!

Часть первая

Женись на мне, дурачок!

Глава 1

– Ты все равно на мне женишься!

– Ни за что! – Я с презрительной насмешкой смотрел ей в глаза.

Очень тщательно и умело увеличенные с помощью накладных ресниц и специальных красок. Впрочем, у нее все лицо было настоящим произведением искусства. Очень ловкой камеристки.

– Ты понимаешь, что у тебя нет выбора?

– Выбор у человека есть всегда.

– Если я захочу – то нет! – высокомерно ухмыльнулась она и, махнув в крутом развороте шелестящим шелком юбки, звонко поцокала в сторону выхода. – Свадьба через два дня!

– Нет! – крикнул я закрывшейся двери и сплюнул на мраморный пол.

Чтобы сделать ей хоть какую-то гадость. Она, похоже, просто помешана на чистоте и порядке. Даже здесь, в подвале, полы выложены полированным черным мрамором, блестящим как зеркало. И нигде не видно ни пылинки. Я сплюнул еще раз.

Чистюля проклятая. Лучше бы хоть рваный половик дала постелить на этот выдраенный до блеска мрамор!

Меня держат здесь уже три дня, и все три дня приходится спать на холодном и гладком как зеркало полу.

Хорошо хоть голодом не морят. Дают сухари и воду. На свадьбе я ведь не должен выглядеть совсем уж доходягой. Иначе гости могут заподозрить неладное. Хотя почему она так уверена, что на свадьбе я буду вести себя послушно, словно теленок, которого ведут на заклание?

– Ваш обед, милорд. – В голосе одетого в безупречно выглаженную ливрею лакея ничего, кроме официального холодного почтения, расслышать не удастся.

Серебряная широкая чаша с крышкой и серебряный бокал на серебряном же подносе ставятся на мраморный столик.

Звеня цепочкой, подхожу поближе. Хоть и знаю – ничего, кроме сухого хлеба, там лежать не может, проверено. Но надежда предательским искусителем нашептывает, что, возможно, сегодня...

Чтобы доказать ей всю глубину ее заблуждений, рывком, вовсе не делающим чести моему воспитанию, срываю с чаши крышку, и заготовленный саркастический хохот замирает на губах.

Нет, этого не может быть! У меня, по-видимому, начинаются галлюцинации... потом будут слышаться голоса... начнутся видения... все то, что неизбежно сопутствует голоду и сильной простуде.

Однако невыразимо, бесподобно аппетитный кусок жареного мяса почему-то никак не хочет превращаться назад в сухари, положенные поваром на это серебро. Наоборот, несколько румяных картофелин, окружающих его, вызывают такие сильные ощущения, что я невольно глотаю слюну.

А лакей тем временем приносит стул, который в другое время суток мне не положен. Как сказала миледи, чтобы у меня были все условия для размышлений. Почему нельзя думать, сидя на стуле, я не понял до сих пор.

Ножа мне не дали, но я и одной вилкой орудовал, как опытный жонглер. Да не будь вилки, я и голыми руками бы справился и ни одной капельки сока или жира не попало бы ни на помятые кружева дорожной рубашки, ни на стол. Я бы этого не допустил. Потому что все эти капли были очень нужны моему туго скрученному в предвкушении этого чуда желудку. Я отрывал мясо маленькими кусочками и, аккуратно держа над ломтиком хлеба, одним из трех, что притаились на краю блюда, так осторожно подносил ко рту, словно еще не верил в их реальность. Последним ломтиком я тщательно вытер блюдо. Чистюля может мной гордиться, посудомойке тут делать уже нечего.

В бокале оказалось подогретое вино с пряностями. Вообще-то я не пью крепких напитков, но после жирного, хорошо посоленного и поперченного мяса... К тому же застуженный на мраморе позвоночник неплохо бы немного подлечить.

Прихлебывая вино маленькими глотками, чтобы подольше растянуть удовольствие от сиденья на мягком стуле, осоловелыми глазами слежу за лакеем. Вместо того чтобы поторопить меня и отобрать бокал, он подходит к двери и машет салфеткой.

Двери распахиваются, и несколько слуг вносят серебряную ванну, длинный низкий стол, шкафчик с баночками и бутылочками.

Медленно пью вино, пытаюсь понять, что они собираются делать. И лишь когда вереница крепких слуг начинает выливать в ванну из принесенных ведер горячую воду, от которой идет пар, до меня начинает доходить...

Неужели я наконец дождался соответствующего моему статусу обхождения? Неужели это мои промерзшие на ледяном полу косточки прогреются в этой теплой воде, моя кожа испытает на себе благодатное воздействие этих кремов, масел и благоуханного мыла?

Похоже, я угадал. Меня вежливо приподнимают со стула и подводят к ванне. Куда делась серебряная цепь вместе с поясом, закрытым на замок, я даже не успел заметить.

А чьи-то ловкие руки уже избавляют мое тело от одежды, а ноги от высоких сапог. Не отнимая бокала с вином, а, наоборот, подливая в него из кувшинчика горячей выпивки. Всего один шаг – и я сижу, вздрагивая от выходящего из тела холода, в горячей воде.

Несколько пар умелых рук трут мою кожу упругими мочалками, разгоняя кровь и возвращая здоровье застуженным на мраморном полу костям.

Я краем сознания понимаю, что все это неспроста, что мне придется сполна расплатиться за невозможное наслаждение, но не делаю ни единого движения, чтобы прекратить это замечательное безобразие.

Которое продолжается с небывалым размахом. Несколько пар рук вынимают меня из ванны и укладывают на мягкие простыни, устилающие длинный столик. Бокал к этому времени куда-то исчез, но мне и без него теперь тепло и весело. Я тихо хихикаю и слабо отбиваюсь от приставучих рук массажистов, разминающих и постукивающих каждый дюйм моего тела. В то же самое время ловкие умельцы приводят в порядок ногти на моих ногах и руках. Только что там приводить? Еще три дня назад все было в идеальном порядке. Но, по-видимому, им все же лучше знать. Так ведь я и не протестую! Все это намного веселее, чем ходить по гулкой пустой комнате взад-вперед, пока сон не сморит прямо на полу.

А меня тем временем, растертого и промятого до состояния хорошо вымешанного теста, вновь поднимают на руки и, обмотав душистой подогретой простыней, а сверху покрывалом, несут куда-то прочь из подвала.

Мысли мои начинают путаться, потолок плывет, как вода в ручье. Интересно, в чем тут дело, я сам так напился или все же опоили? На случай, если опоили... есть одно средство: нужно шепнуть в определенной последовательности три заветных слова...

– Трямс... грябс... – ох как кружится голова... как же там дальше-то? – Киррямс...

Проснулся я от духоты. Прислушался к ощущениям своего вспотевшего тела, спеленатого какими-то тряпками, подергал конечностями и осторожно открыл глаза.

Хм. А ведь это вовсе не та подвальная камера, где я провел последние дни. Изящные позолоченные завитушки на мебели, бледно-зеленый шелк затейливо вышитых штор, мягкий лен выбеленных до снежной белизны простыней. Обмотанных вокруг меня с таким старанием, словно кто-то тренировался в пеленании мумий.

Пыхтя и потихоньку матерясь, распутываю скрученные в тугие жгуты тончайшие полотна и с изумлением обнаруживаю, что гол как сокол. Интересно, а хоть подштаники-то они почему мне не надели, уж не говоря о положенной в таких приличных домах длинной ночной рубашке?

Кряхтя и матерясь уже громче, выбираюсь из почти задушивших меня перин и подушек и отправляюсь на поиски... нет, не шкафа с одеждой, а гораздо более прозаичного места.

Как замечательно, что обитатели таких комнат не любят ходить по необходимости слишком далеко! Дверь в нужное помещение обнаруживается совсем близко, рядом с огромным, поблескивающим золоченой резьбой пузатым шкафом.

И в этом просторном помещении, рядом с неслучайной мраморной ванной, я, к своему несказанному восторгу, нахожу настенный шкафчик со стопками чистых подштаников и рубашек разного размера.

Сначала натягиваю одни льняные исподники и батистовую рубаху, немного думаю и добавляю еще пару комплектов. Если не найдется верхней одежды, можно бежать и в этом. А бежать, похоже, придется, хотя в идеале мне нужно протянуть здесь еще хотя бы пару дней.

Ну ладно, вот позавтракаю и начну продумывать план.

Подцепив пальцами ног черные бархатные мягкие тапочки без задников, зато с огромными меховыми белоснежными помпонами, шлепаю назад в спальню.

Обежав ее взглядом, останавливаю свое внимание на пузатом шкафу. Именно в таких, по-моему, и должны храниться запасы одежды.

О, надо же, какой я, оказывается, умный! Вот они, штаны всех видов и расцветок, кафтаны, куртки и строгие сюртуки. А также сапоги, плащи, шляпы... Целая одежная лавка!

Целая лавка? Хм. Это что же, гардероб всех бывших мужей ее светлости? А тогда не является ли эта комната спальней лорда... лордов... нет, ну не одновременно же они тут спали, значит... все же лорда Монтаеззи?

И что в таком случае тут делаю я? Без штанов и рубашки, хотя этого никто и не видел... кроме какого-то десятка слуг.

Нет, пожалуй, бежать нужно срочно! К демонам завтрак!

Я с головой закапываюсь в шкаф, отыскивая необходимые для побега вещи. Так, вот эти темно-серые штаны... Чуть не достают до щиколоток, но это ерунда. Чулки, сапоги... лучше вот эти, подбитые коваными подковками. Теперь камзол, плащ, шляпа, перчатки в карман... О, а тут что такое? Похоже, лорд забыл в уголке кармана несколько тех волшебных квадратиков, которые так облегчают любое путешествие!

– Ну и куда ты так принарядился, дорогой? – Донесшийся из перин знакомый голос вонзился в меня, как булава, заставив подпрыгнуть на целый локоть.

– Ты что тут делаешь? – стараюсь придать дрогнувшему голосу надлежащее возмущение, строго интересуюсь я, торопясь застегнуть застежку плаща.

Жаль, никакого оружия не видно... где он, этот ковер, на который так любят цеплять свои трофеи местные милорды? Я, конечно, сунул в карман найденные в ванной ножницы, но их размер оставляет желать большего. Много большего. Например, чтобы он был как минимум равен инструменту портного, а еще лучше кровельщика. Который в этом году покрывал жестью крышу конюшни в загородном имении Зигеля.

– А ты... уже забыл? – Этот вопрос звучит так насмешливо и игриво, что у меня на несколько секунд перехватывает дыхание.

Неужели я действительно... Ох, демоны! Тогда понятно... почему были так перекручены простыни, почему на мне ничего не было.

Хотя... были в моей жизни, конечно, подобные пробуждения... но вот такого, чтобы я не мог вспомнить ни одной подробности... нет, такого еще не было!

Так может... она врет? Ведь успел же я сказать свои заветные слова? После которых любое лекарственное или гипнотическое воздействие на меня обращается простым сном.

– Да нечего мне вспоминать! – говорю очень уверенным голосом, надеясь, что это поможет выявить правду. – Ничего такого... не было.

– А вот это кто порвал?! – оскорбленно трясет она перед моим носом якобы доказательством моих подвигов.

Но на самом деле уликой, свидетельствующей в пользу моей абсолютной невинности. Кривеньким свежим разрезом на подоле широченной ночной сорочки.

Она что, круглым идиотом меня считает?! Да какая необходимость рвать этот балахон, если я под ним не один, а с дюжиной гвардейцев уместиться смогу?

О чем я и заявил ей, протискиваясь мимо к прикроватному столику, на котором горкой лежали мои собственные амулеты. И стояла небольшая статуэтка, будем надеяться, что золотая.

– Негодяй! Как ты можешь отказываться от всего, что пообещал мне ночью! – хладнокровно завязывая широкий пояс алого халата, вышитого золотыми драконами, мелодраматично воззвала она. И сунула ноги в туфли с белым мехом, близнецы тех, что я оставил у шкафа.

– Очень просто. Раз ничего не обещал, значит, и отказываться не от чего! – издевательски ухмыльнулся я и отломил луч от амулета переноса, что подарила мне Кларисса.

Оглушительный визг ударил в уши, что-то острое вонзилось в плечо, но серое облако мгновенно поглотило меня, гася звуки и ощущения.

Глава 2

Яркое солнце ослепило глаза, боль вспыхнула в плече с новой силой, отголосок визга прозвенел и стих. А в спину ударило что-то тяжелое и теплое, сбивая с ног прямо на молодую травку, всего неделю назад вылезшую из земли.

– Гархай мишран тай мурдыкз! – рявкнул я в сердцах, отбрасывая свалившееся на меня нечто и вскакивая на ноги. – Ты... кто? – разинув в недоумении рот, еле выдавил, разглядывая сидящую на земле девицу.

Единственное, что мне было смутно в ней знакомо... это алый халат. С драконами. Нет, вру, еще черные бархатные туфли с огромными шарами белоснежного меха, валяющиеся рядом.

Следовательно, если судить по всем этим деталям, на земле должна сидеть миледи Ортензия Монтаеззи собственной персоной!

Однако... ничего подобного! Нет, я, разумеется, понимаю – ресницы могли быть накладными, брови крашеными... Впрочем, о чем это я? Крашеным там было все, и не просто крашенным, а хорошо крашенным.

Но волосы... Густая грива жгуче-черного цвета... где она?! Откуда эти пушистые рыже-вато-соломенные спутанные волосики, не достигающие своей хозяйке и до плеч?

– Что ты на меня уставился?! Подай руку! – сердито прикрикнула она.

– А больше ничего не подать? – ядовито фыркнул я, развернулся и неторопливо пошел прочь.

Разглядывая в ярком утреннем солнечном свете деревья, ошетинившиеся почками, подсохшую дорогу, молоденькую травку. И начиная понемногу понимать... что ничего не понимаю.

А где это я?!

– Зигель! – раздался сзади совсем не такой уверенный голос, как полминуты назад. – Ты меня что, бросаешь?

– А я тебя еще и не подбирал, – мстительно хмыкнул я, не сбавляя хода, и потер ноющее плечо.

Понемногу до меня начинало доходить, что произошло. Эта дура бросилась на меня в момент переноса! Но вот почему так изменилась ее внешность?

Да о чем я вообще думаю! Мне нужно понять, куда я попал. Ведь совершенно ясно, это место совершенно не похоже на ухоженные дорожки садика Клариссы. И все из-за этой... Ясно же, перенос, рассчитанный на одного, сбил ее прыжок. И что ей так далось это замужество!

Хотя... раз выходила замуж два раза, значит, там ей понравилось. Вот только почему-то не понравилось ее мужьям. Первый, лорд Монтаеззи-младший, уехал по делам уже через пару дней после свадьбы, и с тех пор его не видели. Объявили пропавшим бесследно. Второй, его отец, умер через несколько часов после венчания.

Ну и почему она думает, что после всего этого найдутся желающие жениться на ней в третий раз?

– Зигель! – взвыл ненавистный голосок так близко, что я от неожиданности споткнулся. – Не иди так быстро, я не успеваю!

– Куда? – резко остановившись и обернувшись к ней лицом, спросил я.

– Туда! – уверенно показала она в ту сторону, куда я топал до этого мгновения.

– Точно туда? – нехорошо улыбаясь, уточняю я.

– Да! – самоуверенно задрала она не покрытый слоем крема и пудры носик.

Батюшки, да на нем конопушки!

Я ехидно хмыкнул и сделал преувеличенно вежливый приглашающий жест.

Миледи так же гордо прошествовала мимо, а я помахал ей ручкой и пошел в обратную сторону. Раз я нахожусь совершенно в незнакомом месте, значит, мне абсолютно безразлично, куда идти.

Главное, чтобы подальше от нее. Нам больше не по пути.

Но оказалось, что это рыжее недоразумение так вовсе не считало.

– Зигель! – снова взвыл рядом возмущенный голосок.

Еще немного, и я начну ненавидеть это имя.

– Ну что еще?

– Куда ты идешь?

– Подальше от тебя! Неужели не ясно?! – начал свирепеть я.

– Но ты же лорд, благородный человек, и не можешь бросить даму одну посреди этого жуткого леса!

– Во-первых, я тебя, девица, не знаю. Во-вторых...

– Да как ты смеешь так говорить! Я миледи Ортензия Монтаеззи!

– И кто это может подтвердить? Правильно, нет таких! К тому же ты на нее даже не похожа. Она брюнетка с серыми глазами, черными бровями и ресницами. А ты?

– *Что?* – Девица схватилась рукой за голову и побледнела. – Ой! Не может быть...

Наконец-то она начинает понимать, во что вляпалась со своими матримониальными планами!

Но и мне стало ясно, что прежние волосы у миледи тоже были... неизвестно из чего. Возможно, даже из хвоста ее любимого жеребца.

Да, вот так и дураят нашего брата! Я попытался обойти стоящую на дороге Ортензию, но она в достойном гвардейца броске вцепилась мне в плащ.

– Зигель, умоляю! Не бросай меня здесь! Тут холодно и страшно... я пропаду!

– А когда вы, миледи, бросили меня в подвал, посадили на цепь... и даже стул отбирали... Вы не думали, что мне там холодно и страшно? Не догадывались, что я могу простудиться на вашем мраморном полу? – Вот он, мой звездный час, сейчас я тебе выскажу все, что накопилось за трое суток!

– Но... почему ты так упрямился? Тебе же достаточно было стукнуть в дверь. Там все время дежурил слуга. Нам говорили, что ты такой изнеженный... не пройдет и часа... – Она лепетала все тише, понимая, что проговорила.

Да, Зигель действительно нежный и слабый мальчик... хотя я его и научил кое-чему за эти два года, что живу в его замке. Но боли и издевательства он по-прежнему боится, словно какая-то барышня. Вот и пришлось нам с Клариссой подстраховаться. На всякий случай. Но миледи Ортензия будет последней, кто узнает, что я вовсе не тот, за кого себя выдаю.

– Но почему ты вообще решила, что я должен на тебе жениться?

– А кто еще мне, по-твоему, подходит? – сразу забыла она про свои страдания по накладным локонам. – С востока владения графа Актона и барона Ромульена, оба женаты, дети маленькие. С севера горы, с запада лорд Гонтарис, но за него – избавь Всеслышащий... Значит, остаешься ты!

Это почти полуторастолетнее распоряжение короля, дабы поместья не дробить и не распылять старинные состояния, жениться только на тех, чьи земли прилегают к твоим собственным. Многие лорды ломают головы, как его обойти. Заключается куча фиктивных браков, по которым невеста «перетекает» через несколько имен, пока не окажется в том, куда стремились изначально. Но Зигеля оно не касалось никаким боком. Впрочем, мне нужно думать сейчас не о нем, а о себе.

– И что, раз я тебе подхожу по уложению о браках, значит, можно ловить меня посреди дороги, хватать за руки и за ноги, засовывать в подвал и заставлять жениться? А вот если

бы тот же Гонтарис поймал тебя и вынуждал теми же методами... как ты думаешь, тебе бы понравилось?

– Не смей сравнивать меня с этим... мерзавцем! – вспыхнув, гордо выпрямилась Ортензия.

– А чем ты лучше? – презрительно хмыкнул я, и в тот же миг маленькая ручка, испачканная дорожной грязью, понеслась по направлению к моему лицу.

Ну уж нет, моя дорогая несостоявшаяся невеста! Я уже несколько раз попадался на это, поэтому выработал собственную защиту. Молниеносным выпадом перехватываю тонкую руку чуть выше запястья и направляю удар на ее же собственную щечку.

Ах, как неожиданно! Что, миледи, вам не понравилось? Желаете повторить? Ну, ваше желание для меня закон! Что, снова не нравится? Ах, как жаль! Зато очень понравилось мне.

– Зигель!.. Ты... просто... – Она прижимает ладошки к покрасневшим щекам и от возмущения не может найти таких слов, какими могла бы заклеить мое недостойное поведение.

– Надеюсь, теперь миледи раздумала идти со мной в одну сторону? – с ядовитой вежливостью приподнимаю бровь, следя за ее реакцией.

Судя по моему опыту, сейчас она готова меня убить. Неплохо было бы, если б у нее нашлось за поясом какое-нибудь оружие. Типа кинжала.

Однако увидев, как она с нехорошим блеском в глазах наклоняется за валяющейся на обочине палкой, разочарованно вздыхаю – значит, кинжала у нее нет. А жаль. Мне бы он очень пригодился.

Палка летит прямо мне в голову, и если бы не моя ловкость, быть моей головушке украшенной порядочной шишкой.

Но к великому разочарованию миледи, палку я поймал на лету. Прищурил глаза, прицеливаясь, многозначительно хмыкнул...

– Милорд, неужели у вас хватит совести бросить в даму палкой?

Ох, какой высокомерный тон! Как презрительно приподняты в праведном гневe рыжеватые бровки, как поджаты бледные губы! Вот если бы еще нижняя не подрагивала так красноречиво, я бы попробовал поверить, что леди абсолютно уверена в моем благородном воспитании. Не позволяющем мне отплатить ей той же монетой.

Ах, миледи, вы даже не догадываетесь, как глубоко заблуждаетесь насчет меня! И моего пресловутого благородства. Нет, разумеется, убивать этой палкой я вас не буду. Но кто сказал, что не попробую хотя бы хорошенько припугнуть?

Палка со свистом летит в сторону миледи с таким расчетом, чтобы пролететь в трех пальцах над ее головой. За что-то другое не поручусь, но меткость у меня на высоте. Можно сказать, это именно то самое, чем мне стоит гордиться. Впрочем, я и горжусь.

– О-о-ой! – необычайно громкий полувскрик, полувовай вспугнул птиц со всех окрестных деревьев.

Не может быть! Я же целился выше! И она вроде присела от страха. Почему же теперь лежит на дороге, вцепившись руками в желтенькие волосики?

– Ой! – Медленно, как бы выходя из тумана, проявлялась на дороге в нескольких локтях от Ортензии громоздкая фигура с дубинкой в руке.

Амулет временной невидимости! – вмиг сообразил я. Любимый магический предмет романтиков дорожного промысла. Действует недолго, от получаса до часа, разрушается прямым воздействием любого предмета или существа. Впрочем, так как романтики по одному не бродят...

Нет, я точно отупел за трое суток сидения в этом подвале!

Быстро наклоняюсь и, схватив горсть дорожного песка, мусора и прочего, бросаю в противоположную от бандита сторону.

Прекрасно помня, что подбираться к путникам они предпочитают с разных сторон.

Новый вскрик – и еще одна, не менее громоздкая фигура появляется с другой стороны.

– Парни, – не давая им опомниться, начинаю переговоры, – давайте заключим сделку! Я вам подскажу, где без проблем найти пару сотен золотых квадратов, а вы дадите мне клятву, перед лицом Всеслышащего, что отпускаете меня и никаких претензий не имеете.

Какая странная задумчивость на их неодухотворенных лицах! Наверное, мне стоило выражаться... попроще. Хотя уж куда проще-то?

– А много... копать нужно? – наконец басом спрашивает тот, что получил палкой по лбу. Что? Копать? Наверное, я выбил из него последние мозги!

– Копать ничего не нужно, – начиная понемногу представлять, что именно он имел в виду, проникновенно объясняю я.

Заметив, как они, думая, что движутся незаметно, берут нас в клещи.

– Но если вы не согласны... – блефую, отступив к неподвижному телу миледи, – то пеняйте на себя!

Я поднимаю перед собой уже использованный амулет переноса. Хорошо, что им не виден отломанный луч.

– Мы согласны! – быстро выпалил второй разбойник.

– Клятву! – рыкнул я, заметив, что они сделали еще по маленькому шажочку.

– Клянемся... – нестройно пробурчали бандиты.

– Точнее!

– Клянемся именем Всеслышащего, что тебя отпустим.

– Вот и замечательно! – отскакивая подальше на обочину от недоуменно озирающейся Ортензии, выпалил я. – Теперь...

Но они уже столкнулись возле миледи и, сопя, тянут ее в разные стороны. Как не вовремя она пришла в себя!

– Зигель... спаси! – срывается с ее губ полузадушенный крик.

А как вы думаете, милая леди, мне хорошо было, когда ваши люди, выскочив из кустов, намотали на меня триста локтей корабельных тросов и заткнули грязной тряпкой рот?

Впрочем, я не злопамятный.

– Эй, парни! Вы забыли спросить, где находятся золотые квадратики! – Мой зычный голос отвлекает бандитов от миледи.

– А ты сам нам покажешь, чтоб мы вернули тебе твою ледю, – щербато ухмыляется тот, что с шишкой на лбу.

– Глубоко ошибаетесь! Мне ее возвращать не нужно! – холодно отрезал я. – Знаете, где имение лорда Монтаеззи?

– Ну...

– Отнесите ее туда, только аккуратно. Если доставите в целости и сохранности, можете потребовать от управляющего две... нет, лучше три сотни квадратов. Это миледи Ортензия Монтаеззи. Где здесь ближайший город или деревня?

– Там... – растерянно показал пальцем осыпанный мусором разбойник.

Я приветливо помахал им на прощанье ручкой и упругим походным шагом припустил в указанном направлении. От всей души радуясь, что так ловко избавился от навязчивой невесты.

Я шел и насвистывал, солнышко пригревало, птички распевали... На душе, как обычно весной, было весело и чудесно! Даль манила синим небом, белыми барашками облаков, струящимися парком пригорками и легким запахом дыма, говорящим о близости жилья. Я уже снял плащ и раздумывал, стоит ли уходить в кусты, чтобы снять с себя дополнительные комплекты одежды, или переодеться прямо на обочине? Сквозь голые прутья все видно так, словно их и нет, а идти к ним по прошлогодним засохшим зарослям репейника даже в сапогах вовсе не мед.

Приостановился на миг в раздумье, и вдруг услышал позади себя тяжелый топот. Оглянувшись посмотреть, кто это там бежит, рывкнул с досады самое мозголомное орочье проклятие. Однако мгновенно сориентировался в изменившейся обстановке и, пристально осмотрев дорогу, подобрал с обочины пару симпатичных булыжников.

Потому что других веских аргументов, для того чтобы убедить галопом догонявших меня бандитов, рядом не валялось. Один из разбойников, на спине у которого, как на лошадиной шее, сидела миледи, приотстал, не оставив мне выбора, кого из них выводить из игры первым. Я не сомневался, что эта интриганка придумала очень убедительные доводы, чтобы уговорить разбойников нарушить данную мне клятву, поэтому собирался продать свою свободу как можно дороже.

Взвесив в руке первый булыжник, подождал, пока мишень пересечет мысленно отмеченную мною черту, и резко запустил снаряд в цель. Я уже говорил, что меткость – это мое все? Ну вот и в этот раз я не промахнулся.

Бандит сделал по инерции еще шаг, споткнулся и рухнул на дорогу. Без единого вскрика.

Зато оскорбленно взвыл его дружок, изображающий лошадку. На бегу ссадил с себя миледи и рванул ко мне, махая руками как мельница.

Второй булыжник врезал ему точно по старой отметине, и он свалился всего в паре локтей от первого. Как кученько я отстрелялся-то!

Озадаченно охнула леди Ортензия, и алым столбиком с желтой макушкой застыла посреди дороги.

Однако я, не обращая на ошалевшую миледи никакого внимания, уже волочил первого бандита подальше в кусты.

С нею-то я всегда успею разобраться, а вот эти горе-разбойнички, похоже, не зря так смело орудуют рядом с деревней. Наверняка не ошибусь, если предположу, что их там ждут с промысла к обеду жены и детишки.

Убедившись, что бандит придет в себя не скоро, забрасываю на плечо второго и сноровисто утаскиваю в компанию к другу.

Пока я занимаюсь этой зарядкой, мне в голову приходит довольно удачная, на мой взгляд, мысль. Уже понятно, что эта пристающая невеста отравит мне существование, если не взять ее с собой. Но брести по дорогам с дамой, закутанной в алый халат, идея далеко не из лучших.

Поэтому, сложив бандитов в неглубоком ложе так, чтобы не было видно с дороги, возвращаюсь к миледи.

Ортензия, оценив, с каким решительным видом я направляюсь к ней, взвизгнула, подхватила полы халата и рванула в сторону, противоположную деревне. Ну вот уж это с ее стороны совершеннейшее свинство! Я взрыкнул от негодования, но тут же остановился. Чего-чего, а бегать за назойливой девицей я не собираюсь ни в каком смысле.

Пробежав в запале несколько шагов и не слыша за спиной звуков погони, она остановилась и обернулась назад. Я стоял, уперев руки в бока, и спокойно ждал, когда у нее проснется здравомыслие.

– Зачем ты за мной гнался? – не дождавшись, пока я начну переговоры первым, осторожно поинтересовалась она.

– Чтобы немедленно жениться! – решил я пошутить.

– Ты врешь!

– Вот почему ты не оставишь меня в покое? Я обеспечил тебя транспортом и охраной до дома, зачем ты вернулась?

– Как ты мог отдать меня этим... – Она поперхнулась от негодования.

– Однако ты довольно быстро нашла с ними общий язык, значит, они не такие уж и плохие, – язвительно парировал я. – А вот интересно, что ты им пообещала, раз они так дружно неслись за мной?

– Ничего особенного... – насупившись, пробормотала миледи.

– Ну, в общем, так... – решил я объявить наконец свои планы. – Или я тебя поймаю и привяжу к новым друзьям, чтобы ты не смогла подстроить мне очередную гадость, или ты идешь до ближайшего города вместе со мной и на моих условиях.

– Клянешься Всеслышащим? – недоверчиво прищурилась она.

– Сначала ты клянешься, – не поймался я на ее удочку, – что делаешь все, что я прикажу, и одеваешь все, что дам.

– Клянусь, – подумав с минуту, мрачно буркнула она и потопала в мою сторону.

– Быстрее! – прикрикнул я, заслышав невдалеке лошадиное ржание.

Миледи послушно побежала по направлению ко мне. Хм, с такими темпами мы как раз попадемся на глаза проезжающим, а именно этого мне ну никак не нужно! Я ринулся к ахнувшей Ортензии, подхватил на руки и помчался к ложку.

И вовремя. Не успел я плюхнуть несостоявшуюся невесту Зигеля на сыроватый бугорок, как по дороге неторопливо протрусила пегая лошадка, запряженная в телегу.

Я убрал руку ото рта миледи и свирепо сверкнул на нее глазами:

– Если ты не прекратишь орать по каждому поводу, то мне лучше оставить тебя здесь. Раздевайся!

– Что? – возмущенно ахнула она, оглядываясь на лежащих рядом бандитов. – Да как ты смеешь... мне такое предлагать!

– А как ты посмела сегодня ночью влезть в постель к голому мужчине? – презрительно фыркнул я, стаскивая серые штаны.

Все равно они оказались мне маловаты.

– Но, Зигель... – Она побледнела, вцепилась в свой халат на груди как в последнюю надежду на спасение и расширившимися глазами следила, как я развязываю шнурок исподних штанов.

Исключительно из чувства мести... ну и немного вредности, делаю это в слегка замедленном темпе. Чтобы с удовольствием заметить, как запылали под рыжеватыми волосами ее ушки.

Однако на длительное представление времени у меня нет, поэтому снимаю запасную одежду намного быстрее, чем хотелось бы, чтобы подразнить приставучую девицу.

Потом бросаю ей одни исподники, рубашку и свои серые штаны. Сам же натягиваю черные штаны, снятые с того бандита, что постройнее. Они почти новые, и это означает, что промысел у ребят прибыльный и неопасный. Иначе бы в хороших штанах на дело не пошел, знаю я эту крестьянскую бережливость.

Потом снимаю со второго бандита куртку и отдаю Ортензии, несмотря на ее умоляющий взгляд.

А нечего было за мной в портал прыгать, сидела бы себе сейчас на диванчике, пила какао и смаковала пирожные.

При мысли о еде в желудке засосало, но я успокоил свое воображение воспоминанием о черных сухариках, которыми меня угощали в замке миледи.

– Не так! – Заметив, что она пытается застегнуть куртку на пуговицы, отстраняю ее руки.

Запахнул куртку как халат, подвязал веревкой, найденной в кармане запасливого бандита, и подвернул ей рукава.

Вот теперь эту куртку не узнает даже хозяин!

А вот что делать с ее прической? Впрочем... где там мои, ну, уже почти мои, ножницы?

– Сядь ко мне спиной, я что-нибудь сделаю с твоими волосами, – миролюбиво предлагаю Ортензии, и она доверчиво поворачивается ко мне спиной.

Несколько мгновений перебираю пальцами мягкие пряди, усыпляя ее бдительность, затем достаю из кармана ножницы и несколькими быстрыми движениями отхватываю стратегически важные локоны.

При первых же лязгающих звуках она насторожилась, но, увидев на своих коленях желтенькие прядки, выпрямилась и застыла как статуя. И не шевельнулась, пока я не посчитал, что теперь в ней никто не узнает женщину. Именно такие, торчащие во все стороны вихры носят все деревенские мальчишки.

Обеспокоенный ее молчанием, я зашел с другой стороны полюбоваться полученным эффектом и замер, обнаружив крупные капли, стекающие по бледному личику.

– Иначе ты не походила на мальчишку-слугу... – сообщил ей тихо, злясь на самого себя за сентиментальность.

В конце концов, во всех своих злоключениях виновата она сама, разве не так?

Глава 3

Деревенская улица весенним погожим утром – это самое пустынное место в мире. Все трудоспособное и не очень население в это благословенное время занято на задних дворах. Скребут, чистят, копают, чинят и точат, в общем, готовятся к весеннему огородно-полевому авралу.

Потому-то мы и добрались до лавки практически незамеченными.

Я продал сонному лавочнику с хитрыми глазками алый халат миледи и бархатные, испачканные грязью туфли, продал куртку разбойника и его сапоги, сняв их с ног Ортензии. Но как я ни торговался, после приобретения лакейского комплекта в виде длинного камзола, шляпы и сапожек на покупку лошадей денег не хватало.

Пришлось доставать из кармана статуэтку.

– Это очень памятная мне вещь, – едва не пуская слезу, горестно вздыхал я, нежно оглаживая пальцами пузатенького позолоченного котенка. – Я получил ее в подарок... – тут я понизил голос до едва слышного шепота и, наклонившись к самому уху торговца, сообщил: – *От дамы!*

Он хитро хмыкнул и понимающе подмигнул.

– Я не могу ее продать... – страдал я, – только оставить под залог. Но! Если случится так, что я не смогу сюда вернуться... отправь ее миледи Монтаеззи. И она даст тебе на двадцать квадратиков больше. Только это между нами!

– А сколько же вы хотите?

– Эта вещь... она бесценна! И я просто негодяй... что оставляю ее в залог всего за пятьдесят квадратиков!

– Двадцать! – отрезал он, жадно блеснув глазками.

– Нет. Пусть тогда повезет кому-нибудь другому. – Я потянул к себе котика.

– Сорок! – Навар в виде двадцати посверкивающих квадратиков искрился в его глазах.

– Что я делаю! – Хватаясь одной рукой за сердце, а другой за статуэтку, скорбно закрываю глаза. – Нет! Нет...

– Договорились, – выдирая котенка из моих судорожно стиснутых пальцев, бормотал лавочник.

– Ах, если бы я так не спешил! Я бы сам поймал этих двух бандитов, отобравших наших лошадей! О! Мои прекрасные гостольские скакуны! И ведь мы почти добрались до вашей деревни! Они возникли на дороге как из-под земли, – приговаривал я, опуская в карман мешочки с золотом. – А здесь мы, наверное, ничего приличного купить не сможем?

– Ну почему! У меня есть неплохие лошади, – воодушевился лавочник, алчно рассчитавший, что еще до наступления ночи станет хозяином гостольских скакунов.

Его лошади оказались запряжной парой, и я по дешевке выторговал у лавочника очень приличную крытую повозку.

Всего через полчаса, захватив мешок с провизией, купленной в этой же лавке, мы весело катили в сторону ближайшего городка.

Как это всегда бывает, когда нарушаются правила переноса, нас выкинуло в очень неудобном месте. Почти на середине прямой линии, которую я мысленно провел между замком миледи и домиком Клариссы. Но вся беда в том, что напрямик эти два места не соединяет ни одна дорога. Более того, между ними лежат непроходимые леса и гиблые болота. И я от души благодарил Всеслышащего за то, что нас не выкинуло ни в одно из них.

Теперь нам нужно было проехать не один десяток лиг до ближайшего городка, потом спуститься по реке к южному тракту, а там уже решать, в какую сторону отправляться. Впрочем, для себя я все уже решил: хочу немного отдохнуть, поэтому еду к Клариссе.

– А ты здорово умеешь торговать, – ехидно буркнула Ортензия, когда я остановил лошадей у небольшой речушки, чтобы напоить. – Особенно чужими вещами.

Но я великодушно не стал отвечать на ее колкость, ведь это были первые слова миледи, с тех самых пор как она увидела на своих коленях остриженные локоны.

Нам и самим пора было подкрепиться; тот пирожок, что я проглотил, пока хромой конюх запрягал наших лошадей, показался мне... очень неубедительным. Поэтому я поставил перед косматеньким конопатым пареньком, в которого превратилась миледи, корзинку с пирожками, кувшин с молоком и две кружки.

– А больше... ничего нет? – приняв хавшись к припахивающему коровой молоку, подняла страдальческий взгляд Ортензия.

– Ну... судя по тому, чем угощают в замке Монтаеззи, это просто королевский пир, – хмыкаю, откусывая сразу полпирожка.

– Да сколько еще лет ты будешь это поминать! – с досадой вскричала она, отбрасывая в сторону пирожок.

– Во-первых, – разозлился я, – не разбрасывайся едой! Во-вторых, прежде чем причинить другому боль или страдание, советую вначале опробовать это на себе. В-третьих, выбери сама, как тебя называть, я не собираюсь обращаться к прислуге со словами «миледи Ортензия»! И последнее: припомни, умеешь ли ты хоть что-нибудь делать своими руками, чтобы нам не попасть впросак?

– Да почему ты... так со мной разговариваешь? – Она приподняла было ручку для пощечины, но, припомнив, чем это чревато, с усилием опустила ее на колени. – Где тебя так воспитали?

Ну-ну. Я еще не забыл, что это самое большое оскорбление для благородного дворянина, не воспитывавшегося в пажеском корпусе. Сообщить ему, что его мать, бабушки, тети и прочие принимавшие участие в воспитании родственницы просто деревенские клуши. По всем правилам я должен сейчас надуться и не обращать на выходки миледи никакого внимания. Но, ты уж прости меня, Зигель, я так поступать вовсе не намерен.

– А тебе уже не нравится мое воспитание? – перегнувшись через корзинку, я почти прижал миледи плечом к стенке повозки. – Как же так, дорогая, ведь еще ночью ты была так в меня влюблена. А у любимых, как всем известно, нет недостатков. Ну, взгляни же мне в глаза... ведь ты еще собираешься выйти за меня замуж?

Она отодвинулась от меня, вжалась в обитые дешевым ситцем доски и следила за моим пальцем, приближающимся к ее подбородку, с таким отвращением и ужасом, точно это была змея.

Никогда еще девушки не шарахались от меня с таким испугом... даже когда на мне не висела иллюзия смазливового личика Зигеля.

И это оскорбило и до глубины души возмутило меня. Потому что подтверждало самые худшие подозрения о причинах такой внезапной горячей любви миледи к бедному Зигелю.

А ведь посмотреть на нее со стороны – девчоночка-простушка! Голубенькие глазки, рыжеватые бровки, худенькая, почти мальчишечья фигурка, веснушки, ярко проявленные сегодняшним солнцем... Даже дурной мысли при взгляде на такую не мелькнет! Девочка-одуванчик! А внутри жадная, корыстная и бессердечная паучиха. Из той породы, что сразу после свадьбы сжирают своих избранников.

– Ну так как насчет любви? – Все теснее прижимал я паучиху в угол и думал при этом, будет ли считаться угодным Всеслышащему, если я ее чуть придушу и сброшу с этого моста.

Чтобы она больше никогда никого не сожрала.

Или... не стоит пачкать руки?

– Зигель... не надо... – краснея под моим задумчивым взглядом, прошептала Ортензия, и я опомнился.

Нет, наверное, Всеслышащий все же не одобрит такого решения проблемы. Ее нужно поймать на горячем и судить. А пока... пусть живет!

– Ну, Орти, раз ты не хочешь есть, сбегай вымой в реке кружки! – отстранившись от нее, холодно командуя я и с удовольствием слежу, как на ее лице возмущение сменяется разочарованием, потом досадой, покорностью...

Через минуту, удобно устроившись на кучерском сиденье, снисходительно наблюдаю за неуклюжими попытками миледи спрыгнуть с повозки с глиняными кружками в руках. Интересно, а ее-то где воспитывали, если она такой простой вещи сама сообразить не может? Что нужно сначала поставить кружки на скамью, спрыгнуть, потом их взять.

Ой-ей-ей! Какой неудачный кулбит! Надеюсь, хоть кружки уцелели?

А что это она, интересно, не встает? Ждет, пока я прибегу и начну ее поднимать? А вот это дудки! Где ж ты, милая, видала, чтобы милорды бежали со всех ног поднимать мальчишку-слугу? Скажи спасибо, что за кучера я пока сижу сам. Хотя признаю, что поступаю неправильно. В городке это сразу обратит на себя внимание. И пойдут ненужные Зигелю разговоры.

Значит, первым пунктом нашей дальнейшей программы станет обучение кучерскому делу.

Миледи, не дождавшись моей помощи, кое-как поднялась сама и, держа выпачканные грязью руки как можно дальше от себя, поплелась к реке.

Интересно, она что, думает, кружки за ней сами прибегут? Ну вот почему же с ними так трудно-то, с этими богатенькими девушками? А ведь кажутся такими умными и знающими, пока сидят в своих замках, в окружении кучи расторопных слуг.

Я уже привел лошадей и запряг их в повозку, когда из-под моста наконец вылезла миледи. Вся забрызганная водой и с разводами грязи на щеке. Сердито сопя, подошла к повозке с намерением на нее влезть, но натолкнулась на мою фигуру, загородившую ей путь.

Она шагнула влево, намереваясь обойти меня стороной, я шагнул туда же. Она вернулась назад, вернулся и я.

– Ты меня нарочно не пускаешь?

Наконец-то до нее дошло!

– Нет, я просто хочу посмотреть на вымытые кружки, – безразлично пожав плечами, сообщил я.

– Но я же упала! – Голубые глазки смотрят на меня с таким возмущением, словно это я ее уронил.

Хотя... моя бы воля...

– Но ты же ничего себе не сломала? Нет? Значит, вполне можешь помыть кружки. И даю подсказку: та, которая утонет, будет твоя!

– А если утонут обе? – дерзко интересуется миледи, крепко стискивая от бешенства кулачки.

– Будешь нырять, пока не поймашь мою. А потом тебе придется догонять повозку, так как времени даю ровно пять минут. Ну, что стоишь? Время пошло!

Взглянув на меня с откровенной ненавистью, она поворачивается и топает подбирать кружки.

За пять минут она, разумеется, не управилась, но я тронул лошадей только в тот момент, когда из-под моста появились спутанные соломенные лохмы. Кое-где в них запутался мусор и прошлогодняя паутина, но это только добавляло достоверности образу мальчишки-кучера, поэтому я ничего не сказал миледи об этих природных украшениях.

Чуть придержал лошадей, пока она взбиралась в повозку, и сразу услышал характерный хлопотающий звук.

Ну все ясно, леди набрала в сапог воды!

– Снимай сапог, – направляя лошадей на мост, миролюбиво предлагаю Ортензии, но она смотрит на меня волком.

И как она, интересно, представляла себе семейную жизнь, если не может спокойно договориться даже по самому обыденному вопросу?

– Снимай! – повторяю с нажимом.

Делает страдальческое лицо и стягивает сапог.

– Гархай мишран! – рычу я, приподняв сапог за ушки и выливая под повозку почти полведра воды. – И как ты собиралась в этом ходить?

– Ты же сказал – пять минут, – упрямо бурчит она, но голос обиженно дрожит.

Нет, избавьте меня на будущее, боги и демоны, от таких глупых и упрямых девиц!

Пришлось останавливать лошадей и идти в кусты, выламывать крепкую палку. Я собирался воткнуть ее в борт повозки, чтобы повесить сапог. Сушить его, конечно, все равно придется, но сначала должна стечь вся вода.

Треск дерева смешался с другими звуками, я оглянулся, уже понимая, что произошло, но еще не веря самому себе. И своим ушам.

Зато пришлось поверить глазам. Повозка катила прочь, увлекаемая пущенными вскачь лошадьми.

Я сделал в запале несколько прыжков вслед за ней – догнать, остановить... и застыл только в тот миг, когда задал себе простой вопрос: а зачем?

Зачем мне нужно догонять эту повозку, объясняться с избалованной, эгоистичной грубиянкой, и снова взваливать на себя нелегкий груз совместного путешествия?

Заботиться о ночлегах и обедах, запрягать и распрягать лошадей, кормить их и поить, ловить по утрам...

И все это время общаться с женщиной, которую я глубоко презираю и почти ненавижу. И пусть она еще очень молода, почти девчонка... тем тяжелее груз обвинений, которые я готов ей предъявить.

Даже если не вспоминать про странные исчезновения и смерти двух ее мужей, жестокого обращения со мной, вполне хватит для сурового приговора.

Додуматься до того, чтобы украсть благородного лорда! На такое решиться могла только отпетая интриганка. Да еще и издеваться над ним, морить голодом и принуждать к женитьбе... Совершенно необоснованно, между прочим, принуждать, юный Зигель не был даже близко знаком с претенденткой на его руку. Хотя... судя по поведению невесты, его рука, да и остальные части тела, были нужны ей как раз меньше всего. Миледи, как оказалось, нацелилась на поместья и замки Зигеля, решив одним свадебным звоном увеличить свое состояние почти в три раза.

И мне будет очень легко доказать эти намерения, когда я призову ее на суд.

А вот тогда... пусть делают для себя правильные выводы любительницы быстрого захвата чужих состояний!

Нет, наш справедливый и благородный король не казнит женщин и не отправляет их на рудники, но строгая тишина и суровые порядки Бентийского монастыря с лихвой заменят любой рудник.

Единственное, чего мне было жаль, так это плаща, незаменимой вещи при ночевке в лесу, которая мне теперь обеспечена. Однако за все в жизни приходится платить. И плащ лорда Монтаеззи, если поразмыслить, далеко не самая большая плата за свободу.

Зато все оставшиеся от покупки лошадей и повозки квадратики были при мне, и я в который раз за свою жизнь порадовался вредной привычке все свои ценности таскать с собой.

Еще в моих карманах нашлись ножницы, и я бодро двинулся в избранном направлении, обдирая попутно с помощью ножниц кору с выломанной ветви.

Я не стал ее укорачивать, как намеревался, когда хотел приспособить для сушки сапог. Наоборот, порадовался длине дубинки, сообразив, что ночью в лесу крепкий посох может оказаться вовсе не лишним.

Глава 4

И снова пригревало солнце, только теперь с другой стороны, день пошел на убыль. На разные голоса пели, а может, ругались птицы в ветвях придорожных деревьев, насвистывал простенькую мелодию я.

Жизнь определенно начинала налаживаться!

В городок с простым названием Заречье я доберусь не ранее завтрашнего полудня. Или ближе к вечеру. Значит, сесть на баркас смогу послезавтра рано утром. Пару дней плавания, и я в Тазголе. Там сажусь в пассажирский дилижанс и еще через пару дней въезжаю в пригород столицы. Несколько минут неспешным шагом – и ура! – передо мной ажурные низенькие воротца и дорожка к уютному домику Клариссы!

Убеждаться в недолговечности своих долговременных планов приходилось, наверное, всем, кто их измышлял. Почти каждый из живущих хоть раз в жизни испытал, как в один миг рушатся стройные башни прекрасных порождений мечты и разума и как с ужасающим, неслышным для прочих грохотом рассыпаются несбывшиеся надежды.

Лично мне такое приходилось переживать не однажды, поэтому, как я думал, был готов к резкому повороту событий в любую минуту.

И все же, как оказалось, даже для подготовленного сознания внезапные удары судьбы оказываются довольно чувствительны. Настолько, что я невольно застонал, когда, выйдя из-за огромного валуна, вокруг которого дорога сделала крутой зигзаг, увидел на обочине сильно накренившуюся повозку и запутавшихся в кустах лошадей.

Первым моим чувством при виде этого зрелища, каюсь, было веселое злорадство. Так и хотелось по-детски крикнуть: а я знал, что она не умеет обращаться с лошадьми! Так ей и нужно! Вот пройду мимо, словно ничего не замечаю, пусть кусает локти!

Но почти в тот же миг вспыхнула тревога. Какой бы она ни была дрянью, но все же человек, женщина. Вон, даже король таких судит не особо строго. И вполне возможно, она лежит сейчас на земле, придавленная повозкой, и истекает кровью. Потому и отмел злорадные чувства, как неподобающие настоящему мужчине, и бегом ринулся к повозке. Однако при внимательном осмотре места происшествия Ортензии поблизости не оказалось. Ни под повозкой, ни под ногами уже немного успокоившихся лошадок, ни под ближайшими кустами.

Зато нашелся четкий отпечаток лакейского сапога. Именно такого, в каких последние полдня щеголяла миледи, и, судя по направлению следа, скрылась она в лесу.

Вернувшись к лошадям распутывать упряжь, начинаю попутно неприметно осматривать близлежащие кусты и деревца. И довольно скоро замечаю за пучком сухой прошлогодней травы, торчащей из-под кустика боярышника, сине-зеленое пятно лакейской шляпы.

Мне и до этого времени часто приходилось, глядя на невообразимо мерзкие цвета ливрей, в которые лорды обряжают своих слуг, задумываться: а с какой целью они их выбирают? В смысле такие цвета.

И вот теперь мне, похоже, удалось частично ответить на этот вопрос. Чтобы слуги не могли спрятаться, когда у хозяина есть для них срочное поручение. Потому что в одежде такого невиданного в природе цвета спрятаться практически невозможно. Жаль только, что миледи об этом пока не догадывается.

Действуя своим посохом как рычагом, возвращаю повозку на все четыре колеса и осторожно, чтобы снова не испугать, запрягаю в нее лошадей. И они, почувствовав уверенное обращение, спокойно вывозят повозку на дорогу и послушно замирают, пока я с нарочитой обстоятельностью проверяю упряжь, мешок с продуктами и остальное свое нынешнее скудное

имущество. Все оказалось на месте, ни продукты, ни плащ, по которому я так сокрушался, миледи не догадалась захватить с собой.

И это отлично подтверждало мое предположение, что путешествовать без обоза и кучи слуг ей до этих пор не приходилось никогда. Ну а в том, что логически мыслить она не умеет, я уже успел убедиться много раньше. Хотя... какая там логика! Видимо, думать она не умеет вообще никак, если действует такими, мягко говоря, странными методами.

Забравшись в повозку, усаживаюсь на место кучера и легонько взмахиваю кнутом. Лошадки, уставшие стоять в колючих кустах на солнцепеке, под неусыпным вниманием проснувшихся насекомых, дружно рванули вперед.

Конечно, я не собирался оставлять ее здесь. Даже из мести. Судить, наказать... на это я был и способен, и настроен. А вот бросить женщину посреди леса или даже просто на пустынной дороге и потом терзаться угрызениями совести...

Ну а если уж совсем честно... Признаюсь, еще час назад, когда увидел заднюю стенку повозки, исчезающую в жарком мареве весеннего дня, был готов и на это. Но пока шел и осознавал все приятные и не очень аспекты случившегося, успокоился и остыл.

Потому мгновенно натянул вожжи, останавливая рвущихся в дорогу лошадей, в тот самый миг, когда в дальних кустах возник абсолютно чуждый весеннему лесу звук.

Тоненький, острый как зубная боль и такой же заунывный то ли стон, то ли вой. Но я-то сразу понял, что это такое, потому что примерно чего-то подобного и ожидал.

Не говоря ни слова и глядя оскорбленным застывшим взором прямо перед собой, хотя внутри все дрожало от хохота, дождался, пока одетая в нелепый сине-зеленый камзол и шляпу фигурка перевалится через невысокий бортик.

А затем отпустил вожжи и хлестнул лошадей. С такой силой, чтобы миледи, не успевшая как следует устроиться на передней скамье, улетела в дальний угол.

Да, я злой! Но все, кто хорошо меня знает, могут подтвердить: только с теми, кто первый сделал мне гадость.

Так ведь и не ударились она вовсе, на заднем сиденье и спинке под ситцевой обивкой проложено что-то мягкое. Зато получила ясный намек, что больше я с ней нянчиться не собираюсь. А собираюсь расстаться, едва достигнем города. Пусть идет в приемную губернатора, придумывает какую-нибудь романтическую сказку и проходит процедуру опознания. В этом ни одному знатному гражданину не имеют права отказать.

С давних пор всем детям в богатых семьях в момент рождения делают медальоны личности. Его можно потерять и подменить, но стоит капнуть на него каплю живой крови, как он признает своего хозяина.

Потому никто давно и не ворует простенькие овалы, что воспользоваться ими нельзя. А при потере достаточно прийти к специальному чиновнику, и он запросит для сверки контрольный медальон из центрального хранилища. Точечный телепорт не очень дешевая штука, но всякий ограбленный или рассеянный лорд готов заплатить любые деньги, чтобы вернуть себе имя и добраться до поместья с удобствами.

Лошадки ровно шлепали по подсохшей дороге. Встречные возницы, узнав их, приветливо махали нам руками. Но, проехав мимо и рассмотрев на месте кучера меня, а не бывшего хозяина лошадей, впадали в крайне удивленное состояние. По-видимому, вся деревня была уверена, что продавать своих лошадей торговец вовсе не собирался. И это меня немного настораживало. Хотя я и надеялся, что бандиты слишком рано в деревню не вернутся, но прекрасно понимал, если лавочник узнает, что никаких скакунов у нас не было, вполне может организовать погоню.

Потому и не останавливался до тех пор, пока не начало темнеть. А потом выбрал местечко на высоком берегу ручья и постарался отъехать как можно дальше от дороги. О том,

что сюда могут забрести волки, я не беспокоился, ранней весной они охотятся намного южнее. Там, где уже подросла сочная травка и куда ушли исхудавшие за зиму зайцы.

Небольшой костерок из прихваченных по пути сухих коряг, валявшихся у обочин, я развел за повозкой. Расположив так, чтобы его не было видно от дороги. Не хотелось, чтобы к нам присоединились незваные гости. Ортензия долго бродила по кустикам, выбирая наиболее непрозрачные, потом так же неспешно умывалась.

Я, конечно, сразу сообразил, что она специально тянет время, и в который раз поразился нелогичности ее рассуждений.

Неужели она решила, что я настолько беспринципный самец, что после всех ее выходов смогу польститься на сомнительные прелести? В таком случае она слишком хорошо думает о себе и слишком мало знает мужчин.

В частности Зигеля. Стройный, хорошенький блондин с мечтательными глазами с длинными ресницами имел у дам просто невероятный успех. Все незамужние особы, от четырнадцати и до семидесяти, сразу оживлялись, стоило лорду войти в гостиную. Самые юные краснели и преувеличенно громко переговаривались и смеялись, те, кто постарше, бросали зазывные взгляды и поворачивались так, чтобы платье туже обтянуло тонкую талию или высокую грудь. Ну а те дамы, что уже не могли продемонстрировать юному красавчику ничего привлекательного, набрасывались на него с неумной заботой. Пододвигали блюда и напитки, предлагали самое удобное местечко и всячески следили, чтобы на него не дуло, не светило и не вредило каким-нибудь иным способом.

А он при всем том умудрялся оставаться стеснительным и наивным и искренне считал, что его любят исключительно за хороший характер.

Потому так и всполошилась Кларисса, когда одна из служанок милорда принесла тревожную весть. Ее сестра, служившая у миледи Ортензии, подслушала странный разговор, из которого следовало, что Зигеля хотят обманом женить на ее хозяйке.

Юный лорд приходился Клариссе дальним родственником, и это именно она попросила меня проследить за мальчиком два года назад, когда он остался сиротой.

Ну, это она так сказала – мальчик, а я, когда приехал, обнаружил девятнадцатилетнего парня одного с собой роста. Правда, плечи у него в то время были в два раза уже моих, но пара лет усиленных тренировок свели разницу к минимуму.

Я искренне привязался к лорду и жил в его доме даже не на положении гостя, а скорее брата. И когда Кларисса предложила Зигелю погостить у нее, а меня оставить в замке под его личиной, согласился не раздумывая.

И, как оказалось, правильно сделал. Не прошло и трех дней с того часа, как за Клариссой и лордом растаял туман телепорта, а я, опутанный кучей веревок и с кляпом во рту, уже трясся в багажном ящике кареты, мчавшейся к замку миледи.

Ортензия наконец притопала к костру, уюстилась на половике, который я достал из повозки, и с тоскливой миной долго жевала пирожок, запивая простоквашей, в которую превратилось молоко.

А я тем временем, не обращая внимания на ее кисленькое личико, устраивал ночлег. Снял сиденья и спинки от скамеек и уложил их на полу. Прикрыл дерюжкой, снятой с кучерского места, сунул в изголовье мешок с остатками овса. Больше у меня ничего не было, но если опустить полог и накрыться плащом, то можно кое-как подремать до рассвета.

Осталось только загасить догорающие угольки и проверить лошадей, чем я немедленно и занялся.

Стреноженные лошади, хорошо напоенные в ручье, стояли у своих корзин с овсом и мирно жевали, костру хватило пары горстей песка.

– Полезай в повозку, пора спать! – скомандовал я миледи, ставя на борт зажженный ога-рок свечи.

– А... ты? – дрожащим голосом проблеяла она, помедлив с полминуты.

– И я, – ехидно хихикая про себя, подтверждаю ее опасения самым безразличным голосом.

Неужели непонятно по моему поведению, что женщиной в таком обличье она совершенно не воспринимается?

Тем более желанной женщиной. А Зигель, вернее, я в его личине, абсолютно не похож на изголодавшегося по любой женщине каторжанина.

– Я... тут переночую. Возле костра, – несчастным голосом сообщила миледи, видимо ожидая, что благородный лорд немедленно объявит, что сам готов спать на крошечном половичке у погасшего костра.

Да не на того напала! Вот настоящий Зигель тот вполне способен был на такую глупость, но я-то вовсе не он!

– Как хочешь, – равнодушно пожал я плечами и полез в повозку.

Это даже хорошо, что мне повезло разместиться тут первым, у нее точно не хватило бы сообразительности, как правильно улечься в таком тесном закутке, чтобы было куда вытянуть ноги.

– Между прочим, – громко зеваю, устроившись с максимально возможным удобством, но пока не гашу огарок, – ночью здесь бродят волки. Да и змею я неподалеку видел, а они ползут именно на тепло.

И словно в подтверждение моих слов неподалеку что-то хрустнуло. Наверное, веточка под ногами лошади, лениво подумал я.

Однако миледи рассуждать о том, что это такое хрустит, не стала. С невиданной доселе ловкостью вскарабкалась в повозку и, наступая мне на ноги и на руки, заполошно полезла в самый дальний угол. Где в этот момент находилось, между прочим, нечто очень для меня ценное. А именно – моя голова.

И она первая сообразила, что ей придется несладко, если перепуганной девице удастся по ней потоптаться. Видно, потому и отдала рукам мгновенный приказ перехватить угрозу заблаговременно. А руки у меня всегда беспрекословно слушают то, что им приказывает голова. Вот и в этот раз моментально сгребли ничего не соображающую от страха девицу и крепко притиснули к груди. Моей, разумеется.

Чтобы дать ей время прийти в себя и успокоиться. Однако девица все поняла в меру своей испорченности. Приходить в себя и успокаиваться она не стала. Наоборот. Взвизгнув с такой силой, что у меня заложило уши, дама начала брыкаться, кусаться, щипаться и материться так, словно я поймал в объятия не миледи, а пьяного конюха.

И, разумеется, мне все это очень быстро надоело. Особенно ее доскональные познания народного фольклора. Тем более что Ортензия свалила огарок и тот благополучно погас.

Я знаю лишь один способ, как заставить женщину замолчать. Действенный, но не всегда приятный. Потому сплюнул в сторонку и, стиснув миледи покрепче, накрыл губами извергающий непристойности ротик.

Сначала она вырывалась и мычала, но потом сдалась и обмякла. И тогда я ее отпустил.

– Негодяй! – прорыдала миледи и рванулась в сторону выхода, но я был начеку.

Поймал девицу и положил на приготовленное для нее место. Потом провел рукой вдоль худенькой фигурки и, нащупав сапоги, стянул их с миледи и отбросил в угол. Она горько всхлипнула.

А я ехидно хихикнул. Если бы я собирался делать с ней то, о чем подумала она, сапоги бы мне как раз не помешали. Но я хотел проснуться в чистых, по возможности, штанах, а если рядом будут грязные сапоги Ортензии, то это невыполнимо в принципе.

Я поудобнее устроился на своем месте, укрылся плащом, выделив уголок и Ортензии. А затем, сообщив ей, что если начнет шуметь и трепыхаться, то прибью не задумываясь, с чистой совестью закрыл глаза.

Глава 5

Проснулся я от холода. В неизвестно откуда взявшиеся щели проникал предутренний, чуть подмороженный воздух, и свободно гулял по моему телу. Странно, а ведь я вроде был с вечера укрыт довольно теплым плащом...

Повернувшись на бок, обнаруживаю, что мой плащ никуда не делся, просто сменил хозяина. На хозяйку. И теперь довольно плотно намотан на свернувшуюся в комочек девицу.

Представив себе ее визг и ругань, если я начну это разматывать, тяжело вздыхаю и выбираюсь из повозки. Небо только начинает светлеть, но дорогу вполне можно разобрать, и я решаю не тратить время зря. Запрягаю отдохнувших лошадей, собираю все, что может пригодиться в дороге, и легонько хлопаю лошадей вожжами по бокам, мягко трогая с места.

К тому времени, как полностью рассвело и солнышко начало понемногу прогревать воздух, мы были уже далеко от места ночевки. Я потихоньку дожевывал пятый пирожок, когда из-под полога появилась всклокоченная рыжеватая голова миледи.

Сообразив, что ей нужно в кусты, сворачиваю с дороги и останавливаю лошадей.

– Иди погуляй, только не заходи далеко! – вместо приветствия бросаю девице, и она, покраснев, то ли от негодования, то ли от смущения, спрыгивает с повозки.

Пока она ходит, я ставлю на место скамейки и застилаю дерюжкой свое место. Плащ, немного поразмышляв, великодушно оставляю миледи. Все равно скоро станет тепло и мне он не понадобится.

Ортензия, вернувшись, шустро забирается в повозку и сразу вцепляется в скамейку. Видимо, вчерашний урок пошел ей на пользу. Но сегодня я не собирался так резко срывать повозку с места, пока не запью стоящие в горле пирожки кружкой надоевшей простокваши.

Вторую кружку вместе с пирожком протягиваю миледи, и она беспрекословно приступает к завтраку. Ну вот, еще бы денек вместе попутешествовать, глядишь, и научилась бы чему-нибудь. Однако такого счастья нам не суждено. Еще с четверть часа назад, когда дорога шла крутым, почти безлесым склоном холма, я разглядел в утренней дымке шпили храмов и флюгера на башнях дворца. По моим расчетам, это и есть Заречье.

Мелькнула было в моей голове соблазнительная идея сдать миледи в руки правосудия прямо там, но воспоминание о просьбе Клариссы дать ей декаду на разборку этой интриги сыграло решающую роль. В конце концов, может, не зря говорится, что месть должна созреть, как хорошее вино?

Заметив, что спутница допила простоквашу, подвигаюсь на своем сиденье в сторону и хлопаю рукой по нагретому месту рядом с собой, приглашая сесть. Пора приводить в исполнение вчерашние замыслы.

По обучению миледи управлением повозкой.

– Что? – недоуменно вскидывает рыжеватые бровки Ортензия и потихоньку отодвигается назад.

– Иди сюда! – строго рявкаю я, ну не уговаривать же ее?

– Зачем? – неуступчиво интересуется она, пряча что-то за спиной.

Что именно, хотел бы я знать? Но раз хочу, значит, узнаю, таково мое правило.

– Догадаешься сама?

Нет. Судя по нахмуренным бровям, подозрительному взгляду и поджатым губам, ни за что не догадается. Потому что ее мысли текут совершенно не в том направлении. Это какой же извращенкой нужно быть, чтобы придумать такие вещи, от которых в голубеньких глазках стынет откровенный ужас?

– Я и раньше подозревал, миледи, что ваш ум есть нечто патологически злобное и пронырливое, а сейчас убедился, что там присутствует также порядочная доля грязного извраще-

ния, – тоном наставницы Бентийского монастыря вещаю я, и это производит именно то впечатление, которое нужно мне.

Взбешенная такой отповедью Ортензия разъяренной кошкой бросается на меня, замахиваясь чем-то ярко блеснувшим на солнце.

Вот сколько раз говорил мой учитель по бою на мечях и кинжалах, что ярость всегда слепа! И как жаль, что миледи этого не слышала и не заучила так же намертво, как я. Потому что рассчитать порыв разъяренного противника так же легко, как и предотвратить. В чем она уже убедилась, сидя на полу с завернутой за спину рукой, из которой я нежно вытаскивал почти родные мне ножницы.

Оказывается, она еще и kleптоманка. Фу, как неблагородно – обобрать своего благодетеля! А ведь именно таковым я для нее и являюсь. Несмотря на личные счеты и оскорбления, не бросил обидчицу посреди дороги, а взял с собой, одел, законспирировал... Потом прикупил новых, ну, относительно новых вещичек, вез, кормил, поил, все выходки прощал, спать укладывал, согревал, своим плащом пожертвовал... Теперь вот от тяжкого греха убийства ближнего спасаю...

Все это я укоризненным тоном расстроенной гувернантки рассказываю миледи, насильно усаживая ее рядышком и вручая ей в руки вожжи. И, тронув лошадей с места, тем же тоном объясняю, как править обученной парой, как заранее просчитывать вероятные повороты дороги, как придержать лошадей перед выбоиной...

В общем, все то, что любой деревенский мальчишка двенадцати лет знает назубок. А те, у кого отцы занимаются извозом, намного раньше.

Она кусает от досады и злости губы, по щекам текут соленые ручейки, оставляя на грязном личике светлые полосы. Ну почему она такая грязнуля? Совершенно не умеет следить за собой без горничных и служанок! Даже простых правил не знает, вроде того, что, прежде чем лезть в повозку, нужно хорошенько очистить прутиком грязь с сапог, а потом еще и протереть их пучком сухой травы.

Когда я объяснял это в первый раз, миледи смотрела с такой ненавистью, словно ее танцам диких племен учат. Потом, правда, кое-как смирилась, после того как я на одном из коротких привалов выдал ей огрызок веника, найденный под сиденьем, и заставил вымести отвалившиеся комья грязи.

Однако мои уроки управления лошадками не проходят бесследно, и вскоре миледи почти уверенно правит повозкой. А когда первые домишки Заречья приблизились настолько, что их стало можно рассмотреть в подробностях, я перебрался назад и, по-барски развалившись на скамье, внимательно следил за своим кучером, время от времени тихонько подавая советы.

Городок не огорожен даже условной изгородью, но у дороги стоит будка стражи. А рядом несколько стражников, собирающих с въезжающих проездные. Остановили и нас, и я, демонстративно зевая, лениво подал сержанту серебряный квадратик.

– Как записать лорда? – вежливо спросил он, открывая толстую книгу.

– Зигель дель Ксаро, – надменно бросил я, следя из-под полей шляпы за стражами.

И остался совершенно удовлетворен, когда заметил, как почтительно вытянулись их фигуры.

Еще бы, одна из самых знатных фамилий королевства!

Знали бы они, что на облучке сидит представительница не менее родовитой фамилии! И, в отличие от меня, подлинная.

Нам благосклонно кивают, разрешая въезд, но лошади не трогаются с места. Незаметно толкаю замешкавшуюся миледи носком сапога. Она вскидывает кнут, и лошадки резко срывают повозку с места. Я злым шепотом сообщал неумехе, едва не выдавшей себя с головой, все, что думаю про ее умственные способности, и едва не прозевал широко раскрытый от изумления рот всадника, едущего нам навстречу.

Уж слишком заинтересовал его чем-то наш выезд, раз он тут же развернул коня и поехал вслед за повозкой.

Осторожно опустив затертый ситец занавесок, в щель между которых наблюдал за всадником, я задумался о причинах такого внимания и тяжело вздохнул. Меня не устраивало ни одно из возникших в моей голове предположений.

Потому что если это незнакомый мне друг Зигеля, то проколоться на совместных воспоминаниях проще простого. А вот если этот человек узнал миледи... то мое положение еще хуже. Скорее всего, никто не поверит, что я таскаю ее с собой из жалости, людям несвойственно верить в те душевные качества, которых не наблюдается у них самих.

В любом случае мне прежде всего следовало как можно скорее расстаться с Ортензией и повозкой и, если повезет, сменить облик.

План родился быстро, и я немедленно и неуклонно принялся за его выполнение.

Высадил миледи из повозки у крыльца губернаторской приемной, которая по традиции размещалась на центральной площади, в здании с зеленым флюгером. Сухо объяснил ей ее права, сунул на всякий случай в ладошку несколько квадратиков и резко стегнул лошадей кнутом.

От повозки и животных я избавился в гостинице через три квартала. Предупредив покупавшего лошадей старшего конюха, что преимущественное право выкупа имеет прежний хозяин лошадей, если он явится за ними в течение трех дней. На этой операции я не потерял ни квадратика – торговец, в предвкушении скакунов, своих лошадей продал со скидкой.

Позвякивая квадратиками, выхожу из гостиницы и переулками добираюсь до одежной лавки, предусмотрительно войдя только в третью из тех, что попались на пути. Здесь я полностью сменил гардероб, попросив не продавать и никому не показывать мои прежние вещи в течение все тех же трех дней.

Собрал чуть выющиеся волосы в тугий хвост и спрятал его под серую дорожную шляпу, украшенную сеточкой от комаров и прочих любителей чужой крови. Поднял воротник серой же длинной куртки, посмотрел в зеркало. Неплохо. На светловолосого красавчика, вошедшего сюда в вышитом камзоле и с распущенными локонами, мало похож, но если вспомнить изощренную фантазию миледи... лишняя предосторожность не повредит.

И я вновь направляюсь к центру города, беспечно насвистывая и помахивая потертым баулом, в котором лежит все то, что требуется в дороге неприхотливому путешественнику. Включая полотенце, мыло и пухлую зачитанную книжонку. Но, строя из себя беззаботного господина, не забываю исподтишка бдительно рассматривать все, что происходит вокруг. И внимательно читать даже самые незаметные вывески. О, а вот и то, что мне нужно!

Вход в рабочий кабинет мага-иллюзиониста вел со двора и никакой очереди там пока не наблюдалось. Это к вечеру к дверям начнут украдкой пробираться почтенные и не очень почтенные горожане. Чтобы нацепив кратковременную личину, навестить веселых девушек из ближайшего заведения, не опасаясь нарваться на знакомых.

– Что желает милорд? – безразлично буркнул повидавший всякого маг.

– Сбросить иллюзию, – снимая шляпу и усаживаясь в кресло для пациентов, пожелал я.

– И не жаль? Работа-то искусная, – хмыкнул он.

Да чего же тут жалеть? Это я раньше не понимал Зигеля и даже, каюсь, иногда над ним посмеивался, глядя, как он прячется от особо настойчивых почитательниц.

Нет, мне, конечно, обижаться на недостаток женского интереса тоже пока не приходилось, но только очутившись в шкуре Зигеля, я понял, как это утомительно. Когда на тебя горящими назойливой надеждой глазами смотрят почти все встречные женщины. И я искренне порадовался за подопечного, пока еще не понимающего и сотой доли тех замаскированных под приветливость и заботу знаков внимания, которые дождем сыплются на него со всех сторон.

Маг делает несколько движений руками, и я краем глаза вижу в висящем на боковой стене зеркале, как белокурые локоны превращаются в каштановую гриву, слегка нечесаную после скитаний.

А хорошенькая мордашка Зигеля – в худощавое лицо кареглазого мужчины с прямыми бровями, решительным подбородком и аккуратными черными усиками над насмешливо изогнутыми губами. Довольно известное, в определенных кругах, лицо.

И реакция иллюзиониста лучшее тому доказательство.

– Мастер Грег Диррейт? – изумленно смотрит он. – Но... как? Надеюсь, я ничего не нарушил?

– Нет, про тебя мне ничего не известно, – строго взглянув в его глаза, отрицательно качая головой. – Я здесь по другому делу. Думаю, будет лучше, если меня не станут узнавать. Немного состарить лицо и усы подлиннее... сможешь?

– Конечно, меня учила сама Кларисса Тентифель! – гордо заявляет он и вдруг понимающе зажимает рот рукой: – Как же я сразу... не понял!

Через пятнадцать минут моя новая личность готова, и я, внимательно рассмотрев ее в зеркало, нахожу, что работа превосходна.

Что и объявляю магу, приложив к похвале золотой квадратик. Он попытался было объяснить, что готов помочь мне и безвозмездно, но я даже слушать не стал. Когда я трачу не свои деньги, во мне просыпается мот и транжира.

Выйдя на улицу через предупредительно отпертую для меня магом запасную калитку и вдохнув пахнувший жареным мясом дымок, решаю, что сейчас самое время плотно позавтракать. Утренний корабль на Тазгол ушел еще на рассвете, но, как я узнал у мага, в обед туда отправится грузовое судно. На нем нет особых удобств и кают для богатых пассажиров, поэтому всегда есть свободные места для тех, кто не боится провести пару суток без ванны и мягкой кровати.

Однако мой новый костюм как раз и предполагает, что его хозяин именно из таких неприхотливых людей, и потому я собираюсь занять одно место на этом транспорте.

Позавтракать я решаю как можно ближе к месту посадки на судно, и для этого у меня есть несколько веских причин. Во-первых, я не люблю далеко ходить с полным желудком. Во-вторых, никогда не вредно заранее посмотреть на будущих спутников. А в-третьих, именно в таких местах обычно удастся подслушать самые интересные сплетни. И далеко не все из них оказываются неправдой.

Придя на причал, для начала бронирую себе место на грузовозе, потом вхожу в приветливо распахнутые двери ближайшей харчевни.

Здесь довольно чисто и пахнет очень недурно. Да и народу как раз столько, сколько должно быть в уважаемом гражданами заведении, зал почти заполнен. Оглядевшись, вижу несколько свободных столов и, уже выбрав один из них, внезапно резко меняю свое намерение.

Потому что замечаю, что за столиком в противоположном углу завтракает очень интересная компания.

Состоящая из молодого темноволосого мужчины, который гнался за моей повозкой, служанки в темном чепце и благородной дамы. В которой, несмотря на элегантное дорожное платье, пышные черные волосы и тщательно накрашенное лицо, я сразу узнаю своего недавнего конюха.

Как вовремя, оказывается, я сменил личину! Представляю, как радовалась бы миледи, если вместо представителя лесной инспекции господина Жилия Зовье заметила беднягу Зигеля! Крики – лови его! – призывы к стражам, свист, топот... и в результате полное разоблачение. Ах, как правильно говорил мой старый наставник, что попадаете не тот, кто глупее, а тот, кто не успел вовремя сменить парик.

Подзываю разносчика и, сделав заказ, оглядываюсь, как бы в нерешительности, не зная, где сесть. А затем, кивнув в сторону небогато одетой дамы, прошу узнать, не будет ли она против, если я сяду за ее стол. На что разносчик доверительно сообщил, что это их постоянная клиентка и мое соседство даму только порадует.

Ну-ну. В переводе это значит, что я должен буду выслушивать ее комментарии и отпускать комплименты, однако другого свободного места, расположенного так же близко к интересующей меня компании, нет. И потому я с энтузиазмом соглашаюсь и начинаю неспешно приближаться к уже заметившей мои маневры женщине.

– Прошу, – даже не дождавшись моего стандартного вопроса, делает она широкий жест рукой, и я очень благодарен за это.

Потому что менять голос умею намного хуже, чем походку и жесты.

Усаживаюсь на тот стул, что стоит спинкой к столу Ортензии, и в ожидании заказа лениво озираю завтракающих. На самом деле стараюсь поймать каждое слово, доносящееся с соседнего стола. Хотя... говорят там на удивление мало. Усердно и дружно стучат ножами и вилками, шелестят крахмальными салфетками.

Только один раз, в ответ на внезапно прорвавшееся горькое всхлипывание, мужской голос тихо рыкнул, что убьет гаденыша.

Я только хмыкнул про себя. Надо же, какой у миледи защитник нашелся! Судя по реакции, преданный поклонник ее нарисованных глазок! А где же ты, милый, был, когда миледи ко мне, ну, к Зигелю, как она считала, голому в постель влезла? И что было бы, если бы я, проснувшись, не удобства пошел искать, а к ней обернулся? И впечатлился небывалой красотой? Но пока я втихомолку ехидно хихикал над разъяренным ухажером, мой мозг уже рассмотрел и просчитал всю так и не происшедшую череду спланированных ими событий. И тут мне вдруг стало совсем не до веселья. С невероятной ясностью я понял, где именно он был в тот момент.

В соседней комнате или даже просто под дверью. И ожидал только условного сигнала, чтобы застучать Зигеля на горячем. До которого, на самом деле, дойти и не должно было. Совершенно другие, тщательно заранее подготовленные события должны были случиться со мной всего через секунду после того момента, как миледи издала свой жуткий визг.

И как наяву я видел и набежавших слуг, ждавших условного сигнала в коридоре, и заранее приглашенного и подкупленного жреца храма плодородия, и самого себя в традиционном белом венчальном венке.

А самое страшное, это то, что в момент заключительной клятвы перед алтарем с новобрачных слетают даже самые надежные личины. И именно я, а вовсе не Зигель, оказался бы женат на этом конопатом чудовище! А вон тот оскорбленный моим обращением с его леди парень и был придумавшим все это гением, наставившим мне рога еще до свадьбы.

– Вам не нравятся отбивные? – заметив мой застывший страдальческий взгляд, участливо спросила сотрапезница.

– Нет, нет... как у вас... мой не понимал, чем запах... этот мяс... – ломая язык, хрипловато пробормотал я, возвращая своему лицу невозмутимое выражение.

– О, так вы, наверное, с запада! – с воодушевлением поддержала разговор дама. – Я знаю, что у вас не кладут в мясо такие душистые приправы. А у нас теперь моду задают повара-южане, из переселенцев, набежавших сюда после последних военных событий. И представьте себе, в поле и лесу они работать не желают, а все хотят быть поварами и торговцами...

Она еще долго развивала эту тему, и мне оставалось лишь важно кивать и мычать «угу». Тщетно пытаюсь поймать хоть пару слов из нескольких полупшепотом брошенных фраз за угловым столом.

Однако они были очень осторожны, и мне не повезло. Но я не расстраивался. Везение приходит не каждый день, и хорошо, что оно не забыло прийти вчера. Иначе сегодня могло и

не понадобится. Наш помешанный на семейных ценностях король очень недобро относится к разводам. Особенно если для них нет никаких существенных причин.

Плотно подкрепившись, я любезно распрощался с сотрапезницей, поцеловал ей ручку и неторопливо отправился на судно. Раздумывая по пути, почему именно здесь завтракала миледи со своими сообщниками. Вывод напрашивался сам собой: они тоже решили покинуть этот город на грузовозе. Оставалось только решить, как мне расценивать это совпадение: как невезение или, наоборот, как удачу? Узнать меня практически невозможно, значит, о невезении разговор пока не идет. С другой стороны, какая мне польза от совместного с ними путешествия, я даже представить не мог. Узнать что-то новое я вряд ли сумею, очень уж они осторожны. Как кошки, тайком сожравшие хозяйскую ветчину.

Но на всякий случай я решил за ними присматривать и постараться устроиться поблизости. Ясно, что они постараются снова занять укромный уголок, почему бы мне случайно не оказаться у них в соседях?

Глава 6

Посадки на грузовоз пришлось ожидать минут двадцать, и за это время на причале успели собраться все желающие плыть на этом судне. Кроме миледи со спутниками и меня пришли человек десять торговцев из тех самых переселенцев, что так возмущали постоянную клиентку харчевни. Они громко обсуждали миледи и ее служанку на своем языке, не подозревая, что я прекрасно понимаю их разговор. А когда один из них ляпнул пошлость и все захохотали, я заметил, как крепко стиснули пальцы камеристки ручку саквояжа, и сообразил, что девица тоже все поняла.

Впрочем, это было неудивительно. Почти все наши сограждане, спокойно жившие в южных провинциях до осенних волнений, вынуждены были бежать на родину, бросив все, что нажили за многие годы они сами, их деды и родители. И вместо обеспеченной жизни теперь зарабатывают на хлеб простыми слугами и кухарками. Значит, и камеристка миледи тоже из этих несчастных, решил я, и это сразу расположило меня к ней. Я по мере возможности старался почаще заниматься делами переселенцев и, как мог, помогал беженцам обрести себя на забытой родине.

Когда подали трап для пассажиров, шустрый сообщник миледи оказался возле него первым. Придерживая рукой тонкую ручку Ортензии, важно провел ее на судно, заботливо оглянувшись, не отстала ли служанка. Нет, она не отстала, потому что ей успел подать руку я.

– Спасибо, – бросив на меня опасливый взгляд, тихо поблагодарила девушка и легко побежала по неструганым доскам.

– Пожаль... – вежливо склонил я голову, приподняв шляпу с серебрищихся редкими седыми прядками волос.

И с достоинством прошел следом.

Свободное место для ночлега пассажиров было выделено в размещенной на корме дощатой пристройке, явно никакого отношения не имевшей к первоначальному замыслу судостроителя. Наверное, потому пристройка и была до безобразия примитивной. Низкое и тесное общее помещение с двухъярусными кроватями типа гамак. Именно на таких обычно спят матросы и сезонные рабочие южных ферм.

Сообщник занял для дам угловую кровать, а для себя нижнее место соседней. Я же, словно не замечая его пронзительного недоверчивого взгляда, бросил свой саквояж на верхнюю койку и, вежливо, но прохладно кивнув соседу, отправился наверх.

Ему нужно дать некоторое время, чтобы парень мог понять, что соседство немолодого солидного господина намного предпочтительнее развязных торговцев южан, с гортанными выкриками тащивших на грузовоз по сходням какие-то корзины.

Отплытие прошло тихо и буднично. Никто не провожал грузовоз, никто не махал платочками с причала. Матросы отвязали канаты, оттолкнули судно от причала шестами, поднятый заплатанный парус вяло надулся от слабого полуденного ветерка, и вот мы уже плывем. Неспешно выбираясь на середину реки.

Я устроился на носу, взяв для вида книжку, но читать не стал, да и не то было чтиво, что мне нравится. Просто сидел, разглядывая медленно плывущие за бортом пейзажи, и вновь складывал в стройный рисунок уже известные мне части головоломки. И несмотря на то, что я мог считать, что знаю уже почти все о планах и мотивах миледи, что-то в них не сходилось. Очень существенное, но пока неизвестное, не дававшее мне покоя.словно спрятанный в мешке с соломой серп, так и норовящий высунуть острый кончик в самом непредсказуемом месте.

Темноволосый поклонник миледи вывел свою даму и ее служанку на палубу, и, колебавшись, куда идти, выбрал единственно верное решение. На корме, заваленной грузами,

прикрытыми рогожей, места для гулянья не было, вдоль бортов по узким переходам сновали матросы, возле пристройки на мешках и корзинах расположились на обед иммигранты. Нехитрую еду они сопровождали шумной и основательной выпивкой, явно считая путешествие на грузовозе праздником. И, судя по количеству пивных бочонков, были решительно настроены отметить его достойно.

Вот и пришлось кавалеру вести свою спутницу поближе к тому месту, где обосновался я.

Спешно раскрываю книгу на середине и делаю вид, что полностью погружен в чтение. Так, и о чем тут речь? О-ох! И что мне отвечать, если дамы поинтересуются, что я читаю? А еще хуже, если кто-нибудь из попутчиц попросит книжку на вечерок. Прощай моя репутация солидного господина! Думаю, для всех будет лучше, если немного позже эта книжка случайно утонет.

– Проходи сюда. Садись.

А они уже на ты... Ехидно отмечаю я, не поднимая глаз от страницы.

– Мы вам не помешали? – Ну надо же, как вежливо, оказывается, умеет разговаривать моя бывшая невеста!

– Я? Нет, нет, пожалуй! – С показной неохотой поднимаю глаза от треклятой книги и случайно встречаюсь взглядом с внимательными глазами служанки.

А вот с ней, похоже, нужно держаться поосторожнее. Слишком уж въедливое внимание мелькнуло в настороженном взгляде. Но уже в следующую секунду девушка опустила глаза и, глядя на ее спокойное лицо, я даже засомневался, а не придумал ли себе этот острый взгляд.

– Позвольте представить вам миледи Ортензию Монтаеззи, – церемонно склоняет голову темноволосый наглец. – Меня зовут Хенрик Тарни, я начальник охраны миледи. А это ее камеристка, Зия.

Он смотрит на меня чуть надменно и выжидательно, и я четко понимаю, что от церемонии знакомства мне никуда не деться.

– Жиль Зовье. Инспектор лес. Какой встреч! Я польстить! – Одарив Хенрика извиняющимся взглядом за плохое знание языка, почтительно склоняю голову.

– Очень приятно, господин Зовье, – протягивает мне затянутую в перчатку ручку Ортензия, и я с воодушевлением прижимаюсь к душистой ткани губами.

Колоссальным усилием воли пытаюсь не захихикать. И не выкрикнуть ей какую-нибудь команду типа – гони лошадей! Интересно, что бы миледи сделала в этот момент?

Зия все же успела поймать тень ухмылки, скользнувшую по моим губам, и немного помрачнела. Дело дрянь. Значит, она искренне предана этой лживой интриганке и каждое слово или движение будет истолковано не в мою пользу. А я-то ей искренне сочувствовал и даже уже подумывал, куда пристроить беженку, после того как ее нынешняя хозяйка отбудет в Бентийский монастырь.

– Польстить, польстить! – ломаю комедию дальше. – Какой встреч! Миледи ехать гости? Зачем этот... бриг?

– Нет, я возвращаюсь домой, – чуть помедлив, объясняет Ортензия. – Я была здесь... по делам.

Ох, помню я эти делишки! Особенно хорошо вспоминается миледи в алом халате, скачущая на разбойнике. В тот миг у нее было совсем не такое постное выражение личика. Да и рыжеватые локоны развевались очень живописно. Когда еще они отрастут вновь!

Но вслух я говорю совершенно иное. В деланом изумлении всплеснув руками, бормочу, что всегда уважал женщин, которые сами управляют своими поместьями.

– Да, не все можно доверить управляющему, – так же лицемерно вздыхает Ортензия и начинает расспрашивать про лесное хозяйство.

Ну и зачем оно ей? Никогда не поверю, что миледи на самом деле интересуют способы падающей вырубki и методы транспортировки и разделки древесины. Или она таким образом

пытается поймать меня? Так я могу гарантировать, что это не удастся и более сведущему в лесном хозяйстве человеку. Образ Жилия Зовье – одно из самых надежных прикрытий моей деятельности, и я пользовался им столько раз, что разбираюсь в профессии лесовода не хуже дипломированных специалистов. Даже предложил как-то новый метод использования срубленных веток, и его единогласно приняли на совете.

Воодушевленно рассказывая про лесное дело, позволяю глазам оживленно заблестеть, а речи стать чуть более правильной и уверенной. И говорю на эту тему, мстительно не позволяя собеседникам перевести разговор на другую, до тех пор пока не приходит помощник капитана, чтобы пригласить нас на обед.

Надеюсь, больше им никогда не захочется проверять мою компетентность в лесном деле.

Обед для капитана, его помощника и привилегированных пассажиров, то есть нас четверых, накрыт под навесом, примыкающим к такой же дощатой пристройке, в которой спим мы. Только здесь по очереди спят матросы и капитан с помощником, для которых отгорожена крошечная каюта. Все подпалубные помещения и трюм полностью забиты грузами. Время от ледохода до ледостава – самая горячая пора для перевозки грузов с севера на юг и обратно.

Во время обеда я помалкиваю, нехотя ковыряясь в тарелке, и исподтишка наблюдаю за капитаном, пытающимся вовсю флиртовать с миледи. При этом абсолютно не желая замечать, как от его шуточек сводит скулы Хенрика. И с каким несчастным выражением поглядывает в сторону своего защитника Ортензия.

Ну вот теперь мне хотя бы понятно, почему она так отбивалась, когда решила, что я пытаюсь войти с ней в более тесный контакт. Миледи как кошка влюблена в своего начальника стражи, и, судя по его поведению, это чувство взаимно. Но тогда еще более гнусно выглядит ее отчаянная попытка выйти замуж за Зигеля. Зачем ей понадобилось ломать жизнь парнишке? Из-за поместий? Ну так она и сама вроде не влачит нищенское существование. Неужели не хватило бы им с Хенриком и их внукам на безбедную жизнь? Или действительно права поговорка, утверждающая, что нет предела человеческой жадности?

Погруженный в эти мрачные думы, я едва не пропустил окончание обеда. Капитан, выслушав слова благодарности, пригласил Ортензию на мостик – полюбоваться видами. Хенрик, разумеется, увязался за ними, хотя ему и намекали, что там очень мало места.

А мне не оставалось ничего иного, как предложить Зие проводить ее на то место, откуда нас позвали обедать. С плохо скрытым беспокойством оглянувшись на ушедших, девушка нехотя согласилась. Мы вновь устроились в тех же креслах на носу судна и некоторое время молчали. Я незаметно рассматривал почти скрытое за оборками чепца личико, она исподтишка следила за тем, что происходит на мостике. Хотя видно отсюда было, по правде говоря, очень немного.

Потом я для вида открыл злосчастную книгу, намереваясь спокойно обдумать новые нюансы проблемы под названием миледи Монтаеззи, а девушка, отвернувшись к перилам, решила перевязать ленты чепчика.

Крик Ортензии, который я еще долго не спутаю ни с чьим другим, заставил нас одновременно вскочить со своих мест. Чепчик свалился с головы Зии, и я, мимолетно оглянувшись и отметив вначале лишь шоколадный блеск ее волос, через секунду готов был стукнуть себя по голове за невнимательность. Ведь даже если не видеть цвета волос, трудно было не заметить, как похожи их черты.

– Там что-то случилось! – С личика служанки на меня с тревогой смотрят серые глаза Хенрика.

– Надеюсь, твой брат хорошо владеет мечом? – слышав звон оружия, интересуюсь я, решая в уме очень важный вопрос.

Настолько ли серьезна эта стычка, чтобы я раскрыл себя, ввязавшись в нее?

– Нет, – нехотя призналась она, сжимая в волнении кулачки. – Он привык разрешать проблемы... другим способом.

Интересно, каким? Так и тянет меня спросить, но боюсь, на это нет времени. Судя по новому отчаянному вскрику миледи, вмешаться мне все же придется.

Когда я взбежал на мостик, положение Хенрика было плачевно. Левая рука висела плетью, с пальцев на доски капала кровь. Короткий меч валялся в стороне, а разъяренный капитан прижимал к груди охранника конец длинного пиратского кинжала.

– Капитан, советую вам опустить оружие, – негромко, но жестко сказал я, доставая из-за ворота рубахи обычный идентификационный овал и нажимая на него определенным образом.

Медальон раскрылся, и я поднес его к самому носу возмущенно оглянувшегося задиры. Чтобы только он мог рассмотреть горящую внутри золотую каплю знака королевского ока.

Зрелище, которое повергает в священный трепет любого жителя страны, мгновенно привело буяна в чувство. Кинжал исчез в ножнах, дрожащая от неперегоревшего азарта рука провела по вспотевшему лицу, пригладила волосы...

– Лекаря! – недовольно буркнул капитан опасливо выглядывающему с лесенки помощнику и, небрежно отодвинув в сторону лежащую в обмороке Ортензию, с высоты пяти локтей спрыгнул через перила на палубу.

Позер.

– О боги! – тихо выдохнул сзади девичий голос, и я мгновенно спрятал свой знак.

Наивно надеясь, что в суматохе еще не до всех дошло, что тут сейчас произошло на самом деле.

Потом нагнулся к осевшему на пол Хенрику и начал расстегивать на нем камзол, чтобы добраться до раны. Вот тут и сообразил, что имела в виду его сестра, говоря про другие методы. На груди охранника висело несколько мощных накопителей. Заметив мой понимающий взгляд, Хенрик нахмурился, кривясь от боли, правой рукой перебросил накопители за спину и бессиленно прикрыл глаза.

– Кто ранен? – Кругленький человечек, пахнувший почему-то не лекарственными настояками, а жареным луком, протиснулся мимо меня к охраннику.

Или... скорее... замковому магу?

Я осторожно подтолкнул к лестнице Зию – здесь, и правда, было тесновато, подхватил на руки Ортензию и понес в каюту. Ну или как оно тут у них называется, это помещение для пассажиров.

– Капитан отдал дамам свою каюту, – встретил меня на палубе приятной новостью трусоватый помощник. – А вы можете расположиться рядом, на матросских койках. Матросы и с пассажирами поспят, ничего не случится.

Ну, это уже не мое дело, случится у них там пьяная драка или нет. В такие мелкие разборки я лезу только в самых крайних случаях.

– Принеси наши вещи, – киваю ему и сворачиваю к матросскому жилью.

Капитанская каюта отгорожена от пристройки щелястой дощатой перегородкой с хлипкой дверью, но для девушек и это эфемерное уединение – большая ценность. Можно переодеться, не боясь, что подсмотрят неделикатные торговцы, можно сбросить жакет, после полудня солнце припекло так, что становится жарковато. Да много чего можно из того, что никогда не позволит себе воспитанная женщина под жадными взглядами кучи чужих мужиков.

Устроив миледи на нижней койке, оставляю ее на попечение камеристки и иду проверить Хенрика. Обернувшись напоследок, ловлю на себе задумчивый взгляд его сестры, и неожиданная благодарность, мелькнувшая в нем, приятной теплотой отзывается в моей душе. Закрывая за собой дверцу, я едко усмехнулся. Ну-ну! С каких пор меня радует благодарность служанки? Может, это оттого, что слишком много злобных и презрительных взглядов и словечек я получил за последние дни от ее хозяйки?

Хенрик встретился мне на полпути к каюте, он шел сам, правда слегка опираясь при этом на лекаря.

Я отобрал парня у пахнущего кухней эскулапа и повел к нашему новому пристанищу.

– Как она?! – выдохнул маг, едва коротышка отошел на несколько шагов.

– Кто, твоя сестра? – прикинулся я олухом.

– Нет... миледи, – чуть запнулся он.

– Обычный обморок. И что вы там такого не поделили, что схватились за ножи?

– Он... наглец. А вы, господин Зовье... стали значительно чище говорить по-нашему.

Ух ты, надо же, какой пронизательный! Значит, будет жить, раз начал замечать, с каким акцентом говорит случайный попутчик. Весело хмыкнул я, но вслух произнес совсем другое:

– Я всегда начинаю лучше говорить, когда возникает опасность. И когда поближе познакомлюсь с людьми. Вначале... я стесняюсь.

Он изумленно на меня глянул, видимо пытаясь отыскать на моем лице следы этого самого стеснения, но счел за лучшее прекратить свои расспросы, так как только теперь понял, куда я его привел.

И сразу уперся ногой в косяк двери.

– А сюда... зачем?

– Капитан уступил миледи свою каюту, – объясняю я и, видя, что он сейчас взорвется фонтаном ругательств, быстро добавляю: – А мы разместимся рядом. Не волнуйтесь, я вас не брошу.

– О, вы меня утешили! – с сарказмом хмыкнул он и соизволил войти в помещение.

Я не стал ему ничего доказывать, просто довел до кровати, стоящей прямо у перегородки, за которой расположились девушки, и помог прилечь.

По себе знаю – даже малая потеря крови нуждается в хорошей порции сна и большой чашке наваристого бульона.

Потом забросил на верхнюю койку свой баул, принесенный помощником, и передал камеристке в каюту почти невесомый саквояж миледи. Интересно, чего им не хватило, чтобы прикупить запасных вещей, времени или денег? Скорее всего, последнего, я же все успел приобрести, что хотел.

Отправляюсь на нос судна забрать забытую книгу и подвести итоги своих открытий. Теперь мне понятно, каким образом Хенрик так быстро нас отыскал. Как магу, даже довольно слабому, судя по количеству накопителей, ему было несложно по остаточной энергии понять направление и силу переноса. Скорее всего, у него есть и специальные амулеты для таких случаев. И то, что настроен перенос был явно не на двоих, понять по ним нехитро.

Дальше тоже просто. По крайней мере, для меня. Берется карта, ставится палец в примерную точку переноса и заказывается стандартный портал в ближайший город. Ковен магов предоставляет такие услуги своим членам по вполне доступным ценам.

Остальные предпочитают путешествовать тривиальным способом, на лошадях и в повозках. Ну или вот так, как мы сейчас, на кораблях.

Значит, садясь в кресло, продолжаю размышлять я, Хенрик прихватил сестрицу, чтобы не запятнать репутацию миледи, и спешно помчался ей на выручку. И только из-за спешки не успел захватить денег? Вроде все сходится, почему же у меня не пропадает стойкое ощущение, что некоторые мои догадки выглядят так же логично, как заячьи ушки на волчьей шкуре?

Ладно, если я и ошибаюсь, время у меня еще есть. Фу, жарко-то как! Даже душно. А вон те темные облака на горизонте как-то слишком быстро надвигаются на синий ситец весеннего неба.

А зачем я сюда шел? Ну правильно, за книгой. И где же она? И только вспомнив про книгу, я обратил внимание на хихикающих торговцев, что-то разглядывающих, сбившись в

тесный кружок. Вот дьявол, неужели там еще и картинки были? Нужно немедленно от нее избавиться, пока не поздно!

– Эй, парни! – окликаю торговцев на их родном языке, и это действует на южан как ведро холодной воды. – Где моя книга?

Вот сколько раз я замечал, как полная уверенность в своей безнаказанности заставляет нормальных с виду людей превращаться в хулиганистых подростков.

И как же быстро происходит обратная трансформация! Едва они начинают понимать, что их разоблачили.

– Вот, господин, – вежливо шепчет несчастный парнишка, которого веселая компания послала отнести мне мое имущество.

Молча забираю у него замусоленный томик и, резко размахнувшись, отправляю за борт. Потом так же молча сажусь в кресло и отворачиваюсь от торговцев, не собираясь опускаться до разборок.

И только дружный тяжелый вздох показывает мне степень их осуждения.

Глава 7

А погода тем временем продолжает портиться. Судя по тому, как забежали матросы, укрывая и дополнительно обвязывая грузы, приближается нешуточная гроза. Такие нередки в этих местах весной, но кончаются обычно быстро. Пока нет дождя, уходить с палубы не тороплюсь, наслаждаясь порывами прохладного ветерка.

Капитан что-то кричит, и, проследив за направлением его вытянутой руки, начинаю догадываться, что он приказывает повернуть к берегу.

Матрос, прибежавший убрать кресла, своим укоризненным взглядом пробуждает во мне совесть, и я, чтобы не мешаться на палубе, отправляюсь взглянуть на попутчиков. Хенрик благополучно спит, видимо, лекарь дал ему успокоительное снадобье.

Постояв пару секунд у двери в каюту капитана и решив, что не стоит беспокоить спутниц, одним движением забрасываю себя на верхнюю койку. Пристраиваю баул под головой и, расположившись поудобнее, намереваюсь подремать, но странная фраза, произнесенная голосом Ортензии, заставляет меня насторожиться.

– Как ты думаешь, она пустит нас обратно?

– Не знаю. Нужно было послушаться Хенрика, вывезти ее в деревню. Но она так рыдала...

Остальные слова я не расслышал, оглушенный резким раскатом грома. А когда он стих, перепуганные девушки умолкли и начатый разговор больше не продолжали. Но мне и услышанного вполне хватило, чтобы призадуматься.

На волчьей шкуре моих выводов, дополнительно к ушкам, появился игривый заячий хвостик и нахально помахал. Даже не помахал, а ехидно покрутил своим пушистым кончиком, словно пальцем у виска. Мне категорически не хватало информации.

Но ее не было не только у меня. Старый милорд Монтаеззи был при жизни очень загадочной и нелюдистой личностью. Хотя всегда слыл преданным соратником короля. И его ратные подвиги описаны не в одной книге по искусству осады и охраны крепостей. Но зато личная жизнь многие годы была закрыта для всех. И это только подтверждало всеобщее мнение, что охранять крепости милорд умел. Жил он очень замкнуто, в гости не ездил и к себе никого не приглашал. Хотя и не отказывал путникам в ночлеге, но и душевных разговоров вечерами у камина с ними никогда не вел.

Потому так и заинтересовали высшее общество дошедшие из замка новости о его неожиданной женитьбе на вдове сына. И последовавшая почти сразу за свадьбой такая же внезапная смерть. А когда еще выяснилось, что невеста была дочерью кухарки и выросла в замке... можно представить, как начали изошряться в жутких домыслах великосветские сплетницы.

Зато их сыновьям и братьям не давало покоя состояние вдовы. Хотя и поговаривали, что неспроста она похоронила за три года двух мужей, не проведя с обоими и трех дней, однако нашлось немало смельчаков, желающих обменять свою удачу на поместья милорда.

Да только очень скоро выяснилось, что юная вдова полностью сохранила в замке порядки, принятые при муже. Гостей там так же не принимали, как и двадцать пять лет до этого. Даже стало еще хуже. Теперь и путникам отказывали в ночлеге, предоставляя взамен удобные комнаты в новом доме деревенского старосты.

И претенденты на руку миледи, погостив у хлебосольного крестьянина с недельку и попев под неприступной стеной замка серенады, с разбитыми надеждами на выгодную женитьбу отправлялись восвояси.

Наивные олухи. Счастливый соперник, оказывается, давным-давно окопался в замке, штурмуя баррикады миледи в ближнем бою. Ну, если они, конечно, были, эти баррикады. Вон как она за него сегодня переживала, даже в обморок хлопнулась! Встретив разбойников, не хлопалась, когда я ее под деревенского пастушка стриг, тоже падать не спешила. И даже когда

была уверена, что я к ней пристаю, сознания не теряла. А стоило капитану схватиться за кинжал...

Оглушительный раскат грома рывкнул словно над самой головой, и в тот же момент корабль трянуло с такой силой, что все доски закрипели, а с потолка посыпался мусор. Взвизгнули за стенкой девушки, завозился на нижней койке проснувшийся маг. Но перекрывая все эти звуки, яростно заорал какие-то команды капитан, застучали по палубе пятки матросов. И сразу тяжелым шуршащим пологом обрушился шум ливня.

– Зовье, вы здесь? – спросил снизу голос Хенрика.

– Можете звать меня на «ты», – откликнулся я.

– Хорошо, что можно. Вот только нужно ли... – ехидно хмыкнул он, но на этот укол я не ответил.

И вовсе не потому, что мне нечего было сказать. Было, конечно. Но не хотел я с ним ссориться.

По роду моей деятельности мне приходится много общаться с разными людьми. Собственно, в этом она и состоит, моя деятельность. Общаться, присматриваться, прислушиваться и делать выводы. Некоторые, опасливо оглядываясь, ядовито обзывают нас шпионами, другие более значительно – тайными агентами. Но мы не то и не другое. Мы королевские очи и имеем право не только делать собственные выводы, которые часто идут вразрез с общественным мнением, но и отдавать за них свой голос. А стоит он дорого, ровно столько же, сколько голос короля. И если в решении какого-то вопроса король и око стоят на противоположных позициях, к разбирательству привлекается старший наставник ока. И именно его слово становится решающим в приговоре.

Я за годы своей работы научился неплохо разбираться в людях, и если после второй или третьей встречи у меня не возникает необъяснимой антипатии, значит, это правильный человек, и я смогу с ним когда-нибудь подружиться. Так вот, с Хенриком мне хотелось дружить, и хотя это было нелогично и странно, но своей интуиции я привык доверять и менять эту привычку не собирался.

Поэтому просто спрыгнул со своего второго этажа и направился к выходу. Выяснить, что же там произошло. Но меня опередили. Дверь распахнулась, и из серой водяной занавеси в помещение шагнул помощник капитана.

– Судно напоролось на корягу, – уныло сообщил он, сбрасывая с головы насквозь промокшую рогожку.

– А глубина? – сразу вник в положение Хенрик, задав на одну секунду раньше тот вопрос, который собирался задать я.

– Мелко. Почти около берега. Только берег тут низкий, луговина, – так же тяжело вздохнул помощник, и я сообщил, что его так тревожит.

Чтобы добраться до пробоины, придется облегчить тяжело груженное судно, а раскладывать товары на мокром лугу, даже если это делать не сейчас, а после грозы... удовольствие еще то.

– Капитан сказал, – хмуро посмотрев на наши посерьезневшие лица, объявил парламентар, – если вы не желаете ждать... возможно, мы провозимся не один день, он даст лодку. Ниже по течению есть деревня, там можно найти ночлег. А если мы не управимся до утра, вы сможете остановить пассажирское судно.

Вот теперь все прояснилось окончательно. Капитан нашел приличный способ избавиться от тех, кто хоть немного, но задел его «эго». Нарушив позиционирование себя непререкаемым божком на этом маленьком суденышке. Мы поколебали его тщательно взлелеянную самоуверенность, и он теперь искал способ поскорее вернуть себе привычное мироощущение. Хотя ненадолго.

И я вполне готов ему в этом помочь. Мне вовсе не хочется сутки или двое бесцельно сидеть на палубе и слушать покрикивания капитана на матросов, таскающих тяжелые тюки. И идея переночевать в нормальной постели тоже кажется очень привлекательной. Только вот на лице Хенрика я почему-то не вижу никакого воодушевления от этого предложения. Неужели ему не хочется увезти отсюда своих девиц? Или... нет, я точно переутомился за эту неделю, раз так долго вникаю в простейшую ситуацию. Все ясней ясного, у парня туговато с наличностью. Ну так ведь я готов поделиться. Тем более это все равно денежки его возлюбленной!

– Мы принимаем предложение капитана, – важно киваю я и замечаю, как лицо помощника осветилось облегчением.

А вот это уже непорядочно, господин капитан, и я такого не стерплю. Обязательно вплотную займусь вашими торговыми делишками, как только разделаюсь с похищением Зигеля. Хотя... прежнего рвения почему-то в себе не ощущаю, но это не особенно и важно. Дело должно быть закрыто, несмотря на мои ощущения.

– Но... – возмущенно оглядывается на меня Хенрик, и изумленно распахивает глаза, рассмотрев мое заговорщицкое подмигивание.

– Что? – обернулся от двери помощник капитана.

– Все хорошо, не забудьте застелить чем-нибудь сухим лодку, чтобы миледи не промочила туфли, – отдаю указание я, и он, понятливо кивнув, уходит.

– Как вы... ты... посмел решать... – рассерженно шипит маг, но на меня его возмущенный взгляд абсолютно не действует.

– У меня хватит денег, чтобы заплатить за вашу постель и ужин, да и на последующее путешествие останется, – твердо перебиваю его я. – А твоим дамам теперь лучше будет оказаться подальше от этого судна. Сам понимаешь, полуголые матросы, крики, мат... Других развлечений тут в ближайшее время не предвидится.

Он недоверчиво качнул головой, но спорить не стал. Да и что спорить, когда из приоткрытой дверцы капитанской каюты умоляюще смотрят голубые глазки его пассии. А из-за ее плеча задумчиво, без возмущения, наблюдает за нами камеристка.

Вот дьявол, похоже, они подслушали наш разговор от первого до последнего слова. Хотя это именно я собирался их подслушивать. Впрочем, не страшно, лишь бы не начали делать скоропалительных выводов, на которые так горазды женщины.

Через час, когда отгремевшая гроза умчалась вдаль, мы сошли с накренившейся палубы в застланную рогожками лодку, и двое матросов налегли на весла.

Капитан не вышел нас проводить, но никого это и не расстроило. Зато представляю, как расстроился бы он, если бы знал, что назначенные встречи я никогда не отменяю. И ничего не забываю.

Нас пустил на постой деревенский староста за смешную, по меркам города, цену. И пока мы сидели в гостиной, пробуя деревенское угощение, в глубине дома и во дворе суетились домочадцы. Топили баню, готовили комнаты.

Спален, как оказалось, нам выделили ровно две. И в каждой стояло по широченной кровати, с перинами и подушками чуть не под потолок. Хенрик, отправившийся вместе со мной осматривать наши апартаменты, только мельком заглянул в комнаты и сразу помрачнел, сверля меня подозрительным взглядом.

Вот теперь я понимаю, откуда у его избранницы такие извращенные предположения по поводу самых обыденных поступков. Наверное, от ухажера нахваталась. И почему он решил, что это я так распорядился?

– Надеюсь, ты не будешь ко мне приставать, если мы устроимся в одной комнате? – скорчив не менее расстроенную мину, нагло заявляю магу, специально, чтобы позлить.

– Я?! – даже задохнулся он от возмущения. – Да как ты смеешь!

– Ну не я же! – ехидно заявляю, проходя мимо кровати и меряя шагами пространство возле окна. – У меня, между прочим, давнишняя репутация уважаемого человека. А вот нынешняя молодежь... довелось мне кое-что слышать про современные нравы.

– Да я лучше тогда вообще... на сеновале спать лягу! – рычит он в ярости.

– Нет. Не ляжешь, – безапелляционно сообщаю я, начиная стаскивать с кровати подушки и складывать их горкой на огромном сундуке.

– Ты запретишь?! – Ноздри мага раздуваются, как у племенного жеребца, которого первый раз огрели плетью.

– Какое я имею право тебе запрещать? Просто сейчас весна. Зима была длинная, снег упал рано. Вряд ли сейчас во всей деревне найдется хоть одна охапка сена. Когда мы подплывали, я видел, как гонят с поля коров. Все исхудавшие за зиму, значит, было голодно. Да и сейчас пока не лучше. Травка-то еще только пробилась.

Пока я разъясняю парню тонкости сельского хозяйства, доходит очередь и до перин. Как я и предполагал, их на кровати целых три штуки. Тогда как мне вполне хватит и одной.

– Помоги! – зову Хенрика и берусь за один край перины.

– Что ты хочешь? – Вид у него теперь скорее задумчивый, чем подозрительный.

– Сбросить пару перин на пол.

– Зачем? – задает он глупый вопрос, но снять перины все же помогает.

– Чтобы тебе не жестко было спать, – аккуратно положив перины стопкой, степенно объясняю я. – Не выгонишь же ты на пол старого человека? Нет? Ну, значит, я правильно догадался, что кровать ты собирался предложить мне и решил упростить тебе эту процедуру. Вот держи простыню, сам постелешь. И подушек возьми, сколько нужно, мне хватит парочки. Это одеяло тебе, а это мне. Ну что ты на меня так уставился? Обижаешься, что я занял кровать?

– Господа, банька готова! Как париться будете, вместе с женами али раздельно? – некстати заглянувший в открытую дверь староста с ужасом разглядывает разгром, которому подверглось так лелеемое ими помещение.

– С какими женами? – взвыл только успевший чуть успокоиться Хенрик.

– А разве это не ваши жены? – По нашим ошарашенным лицам староста начинает догадываться о своей ошибке. – Вот же ведьма старая, опять напутала! Так мы тогда сейчас еще комнатку освободим... ну надо же, какая оплошка вышла!

– Не нужно нам еще комнаты, – наконец сообразил, в чем дело, Хенрик. – Девушки устроятся вместе, а мы уже... устроились.

– Я в баню, – сообщаю старосте и спешно выхожу из комнаты, стараясь удержаться от хохота.

Настолько комично смотрится виновато сопящий маг, мучимый некстати пробудившимся чувством раскаянья.

Глава 8

Проснулся я рано, точно в тот час, какой задумал с вечера. Еще одна из многих полезных привычек, выработанная на службе. Впрочем, службой свое дело никто из нас не считает. Как не считает и число коллег. Многие из нас всю жизнь проводят в тени или под личиной, лишь один-два раза мелькнув яркой звездой на разгромном процессе, другие мотаются по стране, ввязываясь во все скандалы. Среди нас есть старики и юноши, мужчины и женщины. Нет только магов. И это понятно. Магам народ не доверяет с тех пор, как лет двести назад к власти в ковене пришел натуральный маньяк. Помешанный на беспредельной власти. Его обуздали свои же коллеги, но доверие, эта хрупкая, не подлежащая восстановлению субстанция, было потеряно безвозвратно. Вот тогда и пришли мы. Наблюдатели и аналитики, судьи и каратели. Королевские очи. Я думаю, ковен все же приложил свои ручки к рождению нашего клана, недаром у каждого из нас есть свой куратор и помощник среди магов.

– Господа, вы просили разбудить пораньше! – стучит в дверь неугомонный староста. – Завтрак готов!

– Встаем... а-а-ах! – зевает Хенрик, вытягивая руки над головой и зажмурившись, затем резко садится в своих перинах.

– Как спалось? – вежливо интересуюсь я, поворачиваясь от зеркала, перед которым расчесывал волосы.

– Спасибо, хорошо, – по привычке отвечает он и вдруг начинает краснеть.

Ну да, вспомнил наконец про свои ночные приключения. Вернувшись далеко за полночь из комнаты девиц, куда улизнул решать какие-то очень важные вопросы, маг, видимо, так хотел спать, что запамятовал, где его место и с чистой совестью полез на кровать. Я проснулся еще от легкого скрипа двери и от такой наглости вначале даже опешил. Потом решил было не обращать на такое поведение внимания, сообразив, что парень еще не в себе после ранения. Нет, свою рану он кое-как залечил, но восстановить силы и потерю крови пока не успел. Для этого он был пока слишком слабым магом.

Мне даже вначале показалась очень смешной простая шутка. Оставить парня в покое, пусть себе спит, благо кровать такой ширины, что хоть поперек ложись. И я тихо хихикал, представляя себе лицо проснувшегося утром мага, когда он поймет, где уснул. Но, когда озябший Хенрик начал стягивать с меня одеяло, идея так подшутить уже не казалась особенно веселой.

Потому я решительно отобрал одеяло, а когда он, потянув его снова, прижался почти вплотную, положил руку на плечи парня и, словно во сне, пробормотал ему на ухо, что Лиля нехорошая девочка, раз пришла так поздно. Он еще с полминуты приходил в себя, а потом рванулся изо всех сил. Да я и не держал. Только, едва сдерживая хохот, наблюдал из-под ресниц, как маг осторожно, словно змеиную яму, обходит по стеночке мою кровать, пробираясь к своим перинам.

– Мне тоже хорошо спалось, – сообщаю я, мечтательно прищуриваясь. – Даже сон хороший приснился... кажется.

Маг полыхал покрасневшими щеками и ушами, но я не сразу сжалился и ушел вниз, на кухню, а еще с минуту с преувеличенной подозрительностью его рассматривал.

Пора уже парню понимать, что не все поступки можно расценивать однозначно и что иногда ни слова, ни действия вовсе не выражают истинных намерений. Иначе он мне отравит своей подозрительностью все последние дни путешествия. Которое этой дружной семейке придется совершить в столицу в компании со мной. Хотя они пока об этом даже не догадываются.

Миледи с камеристкой вошли в кухню, где нас вместе с магом по-свойски кормили завтраком и, усаживаясь за стол, с недоумением посматривали на своего защитника, старавшегося держаться подальше от меня. Судя по их встревоженным взглядам, маниакальная подозрительность – качество, присущее именно этой семейке. Скорее всего, они решили, что мы из-за чего-то с ним повздорили, об этом красноречиво говорили их сочувствующие взгляды, бросаемые в сторону Хенрика. А маг в свою очередь строил зверские гримасы и изо всех сил отрицательно мотал головой. Еще больше расстраивая своих девушек. Я даже в глубине души ему немного позавидовал: все же, должно быть, чертовски приятно, когда тебя так любят.

Однако сам на эти переглядывания не обращал абсолютно никакого внимания, всего себя посвятив уничтожению деревенской снеди.

Не успел я допить вторую кружку странного, но вкусного напитка из сушеных трав с молоком и медом, называемого тут чаем, и дожевать третий огромный пирог с черносливом и орехами, как в кухню ворвался босоногий паренек и пронзительно заорал, что показался парус.

Оказалось, староста поставил на причале двух селян с импровизированным флажком и боевым рожком, неизвестно как оказавшимся в его сундуках. И к моменту нашего прибытия на хлипкий дощатый мостик они успели поднять такой шум, что я начал всерьез опасаться за решение капитана. Лично я на его месте поднял бы паруса и постарался удрать от этого завывания как можно быстрее. И подальше.

Однако обошлось. Парусник причалил, матросы бросили трап, я сунул старосте лишний квадратик, он мне корзинку, с чем Всеслышащий послал, мы взошли на корабль, помахали селянам, и вслед за гостеприимно улыбающимся капитаном отправились расселяться. Причина его столь радушной широкой улыбки выяснилась минуты через три, когда оказалось, что свободны только две самые дорогие каюты.

Хенрик начал стремительно бледнеть, и капитан, похоже, сделал из этого факта соответствующие выводы. Его улыбка мгновенно погасла. Однако в мои планы такое отношение к моим попутчикам и, разумеется, к собственной горячо любимой персоне вовсе не входило.

– Это, конечно, хорошо, что у вас нашлись достойные нашего внимания помещения, – высокомерно поджав губы, сухо заявил я, – но двух кают нам маловато. Мой друг, как вы, наверное, заметили, ранен и ему нужен покой. В одной каюте со мной ему будет некомфортно.

Капитан, заслышав эти претензии, снова расцвел, как подсолнух в полдень, улыбаясь не меньше чем полусотней зубов, и объяснил, что это каюты люкс. А потому состоят из маленькой спальни и гостиной, в которой стоит удобный диван.

– Ну, – плотоядно уставился я на капитана, – и кому же из нас вы предлагаете спать на диване?

Теперь капитан начал бледнеть, а порозовевший Хенрик дернул меня за рукав и сдавленно прошептал, что он вполне обойдется диваном.

– Вчера ты тоже говорил, что обойдешься двумя перинами, – осадил я мага, и он, покраснев как девица, отступил.

Однако комедию пора было прекращать, что-то заподозрившая Зия испытующе смотрела теперь не на меня, а на брата.

Поэтому я тяжело вздохнул и позволил капитану быстренько меня уговорить. Даже самому стало приятно, каким я могу быть при случае милым и покладистым!

Капитан огласил стоимость путешествия в двух каютах люкс, и я немедленно выплатил ему затребованную цену, даже не подумав торговаться. А чего мелочиться, если деньги все равно не мои.

После чего мы отправили миледи со служанкой в их каюту, а сами принялись обживать свою. Хенрик, как и намеревался, занял диван, и никакие доводы не заставили его переселиться в спальню.

Даже моя угроза, что днем я буду сидеть на этом диване и ему негде будет лежать. А раненым, как известно, нужен отдых.

Он уже вполне здоров и днем все равно будет охранять миледи, объявил юный маг, и мне пришлось уступить. И кстати объяснить охраннику, что вовсе не обязательно всем объявлять имя миледи. Иначе и здесь моментально найдутся охотники за приданым, а вторую дуэль он вряд ли выдержит.

С минуту посверлив меня своим фирменным подозрительным взглядом, Хенрик пришел-таки к выводу, что я прав, и мы быстренько договорились о том, кем представимся. После чего я с чистой совестью отправился обживать очередное временное жилье, неизвестно какое по счету за мою не так уж долгую жизнь.

Здоровая мысль восполнить недополученный из-за раннего подъема сон пришла сразу же, как только я увидел кровать. С нормальным тюфяком вместо этих душных перин, которые так обожают северяне.

Я не люблю откладывать принятие решений в долгий ящик, потому и лежал через минуту под одеялом, устраивая поудобнее под щекой тощую подушку. Хм. А вот подушки могли бы быть и попышнее.

Прикрываю глаза и по привычке, еще с поры ученичества взятой за правило, припоминаю перед сном, не забыл ли чего важного. Кажется, нет. Ах, как все же хорошо, что я догадался уговорить Хенрика покинуть грузовоз, там нам не пришлось бы поспать с таким комфортом!

Черт, ну и зачем я про него вспомнил? Теперь любопытство не даст спокойно заснуть! Немного поворочавшись и поняв, что сон загублен на корню, одеваюсь и плетусь на поиски капитана. Попутно отмечая, что Хенрика в гостиной уже нет. Значит, правильно я сделал, согласившись на кровать.

Капитан нашелся очень быстро, он завтракал. На корме был растянут полосатый тент из дорогого непромокаемого шелка, привозимого из Останы, а под ним стояли несколько легких столиков и плетеных стульев. За одним из столов и устроился капитан.

Завидев меня, он замахал рукой, приглашая к столу, и я не стал отказываться. Нет, есть я пока не хочу, но вот идея выпить кружечку горячего кофе, которым пахнет по всему кораблю, показалась очень заманчивой.

– Присоединяйтесь! – гостеприимно улыбается капитан, указывая рукой на расставленные по столу деликатесы, и я начинаю понимать, что, пожалуй, зря заранее решил ограничиться кофе.

Капитан завтракает с размахом. Стюард подносит блюда, и капитан берет с каждого понемногу, после чего кушанья отставляются на соседний стол.

Заметив мой недоуменный взгляд, капитан объяснил, что это часть его работы – дегустировать еду, чтобы проконтролировать кока. Чтоб мне так работать! Мне и раньше была по душе романтика морских профессий, но теперь я искренне пожалел, что не стал в свое время моряком. Был бы теперь капитаном, дегустировал три раза в день разнообразные вкусы. И имел такое же брюшко. Нет, пожалуй, все же лучше, что я остался на своем месте.

В ответ на вопрос о грузовозе, ради которого я и притопал сюда, капитан выразил полнейшее недоумение.

– Нет, господин Зовье, мои матросы не пропустили бы, если б он там стоял. Да я и сам в тот момент был на мостике, сами понимаете... две пустые каюты, а в этой деревне иногда случаются пассажиры. Староста всегда дает знак, у нас старая дружба. Если пассажиры бедные, просто махает флажком.

Капитан даже сам не понял, что сдал сейчас с потрохами своего друга. Значит, если бы капитан не был уверен, что мы заплатим за каюту люкс, он вполне мог пройти мимо, «не заметив» простого помахивания флажком.

– У него бабка ведунья, к ней много разного люда ездит... вот я и решил вначале, что и вы из таких. Нет, не знал я про грузовоз. А как же вы-то на нем оказались? И багажа у вас мало...

– У Заречья нас ограбили, – занятый своими мыслями, выдаю ему полуправду, придуманную еще в той деревне, где покупал лошадей. – Бандиты с амулетами невидимости. Все отобрали: вещи, гостольских скакунов... Это уже в Заречье мне знакомый маг денег дал, чтобы добраться до столицы.

– Они и ранили вашего друга? – участливо интересуется капитан, но я отрицательно мотаю головой.

– Нет, это капитан грузовоза, он решил поухаживать за его невестой. Вот парень и схватился за меч.

– И остался жив? Ему баснословно повезло! Капитан Ригье известный драчун и дуэлянт и никогда не терпит поражения. Как же это случилось, рассказывайте, я должен знать!

Вот теперь попался я. По-крупному попался, судя по слабому женскому вскрику. Интересно, и давно они тут стоят? Слышали про гостольских скакунов или только про капитана?

Решившись проверить, быстро оглядываю попутчиков и начинаю убеждаться в самых худших предположениях. Нет, в этот раз мне определенно не везет. Что делать, так иногда случается. Око, распутавшее десяток сложнейших преступлений, засыпается на чем-то очень простом. Видимо, и у меня это тот самый случай. И с чего я так расслабился, непонятно. То ли оттого, что миледи совершенно не кажется мне коварной и опасной, то ли от непонятной симпатии к не умеющему лгать магу? Да и сестра его... хоть и младше мага на вид, но очень неглупая и воспитанная девушка.

И ведет себя эта компания не как шайка аферистов и прожженных интриганов, а как семейка напуганных зайцев. Видимо, это и пробуждает во мне желание опекать и защищать. Совершенно не запретное для нас, кстати, желание.

– Это Жиль спас его, – бросив странный взгляд в мою сторону, объясняет Зия. – Он что-то сказал капитану, и тот ушел.

Не ушел, а упрыгал, поправляю я ее мысленно и наталкиваюсь на изумленный взгляд капитана, рассматривающего меня так, словно я редкая диковинка.

– Но как? – не дает он мне даже минуты на раздумья. – Ригье горяч и своенравен, и никогда еще никому не удалось его остановить.

Вот теперь уже все смотрят на меня точно такими же взглядами, хотя... в некоторых глазах, кроме восторга и изумления, начинают проскакивать искорки подозрительного понимания. А вот это уже совсем плохо.

– Мне пришлось его припугнуть. Кое-какими, ставшими мне совершенно случайно известными фактами. Но это тайна! – значительно поглядев в глаза капитана, нехотя выдал я, понимая, что обмануть удалось только его и Ортензию.

И то ненадолго. Да, вот уж если не повезет с самого начала расследования, то это необратимо.

От дальнейшего допроса меня спасла толпа пассажиров, которые пришли завтракать. И застали, к своему несказанному удовольствию, дополнительное и дармовое фирменное блюдо.

Это я говорю о нас, разумеется. Ибо они уже за вчерашний день все успели перезнакомиться и посплетничать обо всем, что знали. И наладить контакты, и определиться с симпатиями и антипатиями. А теперь всей оравой собираются наброситься на нас.

Эх, зря я все-таки не уснул...

Впрочем, мне неожиданно повезло. Среди пассажиров оказался знакомый парень из службы приставов, знавший не только этот мой облик, но и настоящий. Мы столкнулись с Доржем пару лет назад в громком деле по укрытию от сдачи в казну налогов от продажи леса и нашли общий язык. Мне еще тогда показалось, что он... слишком осведомлен о моей профес-

сии, но у нас не принято такое спрашивать у тех, кто не хочет отвечать. Вполне может случиться, что человек не просто не хочет говорить, а не имеет права.

– Господин Зовье? – тихо и неуверенно спросил он, не зная, под каким именно именем я путешествую.

– О да, это я! – С едва заметным акцентом радостно отвечаю ему и позволяю увести себя к самому дальнему столику.

– По делу? – пододвигая мне чашку с кофе, одними губами шепнул он, предварительно незаметно оглянувшись, чтобы убедиться, что никто нас не подслушивает.

– Благодарю. – Я утвердительно кивнул, словно благодаря за напиток.

– *Здесь...* тебе понравилось?

– *Да. Мои попутчики...* тоже довольны.

– Хм, – осторожно оглянувшись на тех, о ком спрашивал больше интонацией, чем словами, Дорж с минуту присматривается, потом небрежно кивает: – *Понятно... Видимо, они неопытные путешественники. И впервые... на корабле.*

– Да, – киваю я и скорее для проходящего стюарда, чем для собеседника, поясняю: – Мы вчера в обед вышли на грузовозе. А к вечеру, после грозы, нас отправили в деревню. Чтобы не мешали ремонту.

– А почему он вас потом не забрал?

– Видимо, не понравилось знакомство со мной. Думаю, у него... не все чисто с товаром.

– Сам проверишь... или мне отдашь?

– Бери, – киваю я и, заметив затравленный взгляд Хенрика, на которого навалились с расспросами какие-то дамы, машу ему рукой. – Присмотрись поближе... я в сомнении.

Если он сейчас удивится или начнет расспрашивать, значит, я ошибался, и он не из наших. Или законспирирован наглухо.

Но Дорж только понятиливо кивает, и я вздыхаю с облегчением, словно встретил брата. Не так-то это просто, как кажется некоторым, – жить почти все время под маской.

Даже если давно привык.

К нашему столику Хенрик пришел не один, а со спутницами, и я немедленно познакомил их с Доржем. Остальные пассажиры бросали на нас разочарованные взгляды, но подойти к столику не решился никто. Дорж славился острым языком и неподкупностью, и потому его многие опасались и сторонились. Те, у кого были для этого причины.

Но с Ортензией и ее камеристкой он повел себя очень вежливо и галантно, рассказал пару смешных баек, потом вспомнил интересные случаи из жизни речных обитателей и, по моему, вскоре полностью вошел в доверие.

Быстро разобравшись, что Хенрик влюблен в миледи, Дорж начал неназойливо оказывать знаки внимания ее камеристке. Вот это он молодец, порадовался я, отходя полюбоваться видом быстро проплывающих берегов. Возможно, если ему удастся ее увлечь, девушка проговорится. По настороженности камеристки понятно, что она знает нечто важное о делах миледи. Мне на такое везение даже надеяться нечего, я вызвал у служанки подозрения почти с первой минуты знакомства.

Однако когда мы собрались на обед, стало ясно: Дорж не продвинулся в своих ухаживаниях ни на сантиметр. Более того, Зия держалась с ним подчеркнуто вежливо и сухо. А после обеда девушки вообще ушли в свою каюту и даже Хенрика не пустили. Заявив, что желают отдохнуть.

На ужин его подопечные тоже не явились, и маг, сидевший с нами за одним столом, объявил с несчастным видом, что их укачало и они решили не ужинать.

Лично я ничего особого в таком поведении не усмотрел, но Дорж, когда Хенрик отправился относить девушкам прохладный лимонад и фрукты, нагнулся поправить сапог и шепнул, что нам нужно поговорить.

– Главная у них эта камеристка, и она вовсе не та, за кого себя выдает, – сообщил мне коллега, едва мы уединились в его крошечной каютке.

– Ты... уверен?

– А ты проверь. Она знает по меньшей мере шесть языков, не удивляется, когда слышит высказывания старинных философов, и прекрасно разбирается в экономике и законах. Зато вторая... хоть и строит из себя благородную госпожу, но это плохой любительский спектакль. На самом деле она просто избалованная богатенькая авантюристка.

– Но ты же заметил, что эта Зия – сестра Хенрика. А поскольку он маг, вполне мог дать сестре хорошее образование. Хотя бы в кредит.

– Зачем? Сам подумай, это бессмысленная трата денег. Сестры магов обычно без проблем выходят замуж, специальность брата – надежное приданое. Да к тому же сам он образован намного хуже.

– Спасибо, – задумчиво кивнул я и отправился в свою каюту.

Нечто похожее на то, что он мне сообщил, уже приходило в голову, но я не пытался рассмотреть ситуацию с этой стороны. Хотя рассмотреть стоило. Однако мне почему-то очень не нравились те выводы, что сами напрашивались, когда я пробовал представить дело по-иному, вот интуитивно и откладывал все на потом.

От неприятных мыслей и предположений часа через два у меня разболелась голова, и я, встав с измятой постели, вышел в гостиную за водой. Чтoб разбавить положенные три капли магической настойки, купленной в Заречье.

Неярко горел фитилек прикрученной лампы, и потому я не сразу разглядел, кто сидит на диване. А когда разглядел, то внезапно разозлился. Да какой она к чертям главарь, просто обычная сводница!

– Что ты тут делаешь? – Наверное, этот вопрос прозвучал слишком резко.

– Тебя жду. – Она поднялась и смотрела мне прямо в глаза, чуть прикусив в волнении губу и сама не замечая этого.

– Зачем? – Я постарался спросить как можно холоднее, но полностью скрыть удивление не смог.

– Я тебе... совсем не нравлюсь? – еле слышно прошептала девушка, начиная краснеть.

Это было ничем не прикрытое предложение. И как всякое предложение молодой, симпатичной девушки оно немедленно нашло отклик в тех тайных закоулках моей мужской души, которые плохо контролируются голосом разума.

– Конечно, нравишься... – внезапно охрипшим голосом пробормотал я, едва сдерживая собственное тело, ринувшееся на этот призыв. – Но...

– Не нужно... – Она сама сделала первый шаг и положила руки мне на плечи.

Голос разума сдох мгновенно. Через секунду я неистово целовал ее, а мои руки пытались расстегнуть тугие пуговички на спине строгого платья.

Я отвлекся на них всего на одну секунду, но этим воспользовался голос моего разума. С большим трудом пробившийся сквозь все заглушающий зов основного инстинкта. И доводы, что он так настойчиво мне твердил, стали очевидны, едва я чуть пристальнее взглянул в лицо девушки.

Ко мне частенько прибегали по ночам служанки и кухарки всех мастей. Некоторые откровенно рассчитывали на небольшой подарок или несколько квадратиков, другие, те, что постарше или понеказистее, просто хотели немного ласки. Некоторые мечтали поймать меня в супружеские сети, и от этих я шарахался как от чумы. Но никто из них меня не боялся.

А Зия боялась. Трусила просто до дрожи, но старалась покрепче стиснуть зубы, чтобы они не стучали. Но все же не отталкивала меня и, зажмурив глаза, побледнев, с жертвенной покорностью отдавалась в наглые жадные руки.

Это было так неприятно и обидно, что страсть мигом улетучилась, словно ее и не было. Я отвернулся, налил в кружку воды, накапал настойки, выпил... отошел от дивана и сел на стул сбоку от стола.

Она все поняла, вспыхнула свечой, то ли от стыда, то ли от разочарования... и рванулась к двери. Но я оказался там раньше, крутанул ключ и сунул в карман.

– Сначала ты объяснишь, что это такое было, – заявил прокурорским голосом и вернулся на стул.

Она вдруг успокоилась, поправила прическу и села на диван.

– Разве такое нужно объяснять? – немного помолчав, спросила устало.

– Обычно – нет. Но в твоём случае... нужно. Ты пыталась меня соблазнить, не питая ко мне абсолютно никаких чувств, какие обычно имеют девушки в подобных случаях. А это подозрительно... и оскорбительно.

– Ты неправ... – как-то горько и обиженно хмыкнула она. – Первый раз в жизни я встретила мужчину, который заслуживает... моей любви. Я конечно же... хотела бы узнать тебя получше... поговорить, побродить... Но... у меня просто нет времени на все это.

Это было очень откровенно. Смело. И я вовсе не ожидал услышать подобное. А услышав – не поверил. Что такого она могла рассмотреть во мне за два неполных дня, чтобы так поступить? Может, просто почувствовала, что я подобрался слишком близко к истине, невыгодной для нее, и решила меня таким образом подкупить? А может, и правда, нет в их замке таких, как я... гостей-то они не пускают!

Я смотрел на нее и жалел, что голос разума проснулся так рано. Но заставить его заснуть теперь не смог бы даже гарем шаха Останы.

Стук в дверь прервал мои невеселые мысли, и я пошел отпирать замок.

Едва ключ повернулся, в каюту яростным вихрем ворвался Хенрик. Он был одет... немного небрежно, можно сказать, впопыхах. Видимо, насчет сводни я все же угадал.

– Где она? – пролетев мимо сестры в мою спальню, взрыкнул маг.

– Я здесь, – безжизненным голосом отозвалась его пропажа.

– Зия! – ринулся к ней брат и, схватив за плечи, прижал к себе. – Ты... в порядке? Как вы могли...

О, а вот это уже интересно. Значит, не так я и неправ и налицо заговор. А Хенрика, стало быть, отвлекала Ортензия.

– Дурачок! – ласково и укоризненно бросила она и решительно пошла к двери.

– Я провожу... – бросился он следом, но получил такой насмешливый взгляд, что остановился.

– Кому я нужна, – донеслось из коридора, и я понял, что это камушек в мой огород.

Через секунду хлопнула дверь ее каюты и звякнул в замке ключ.

– Жиль, прости... Я вел себя как дурак, – покаянно выдохнул Хенрик.

На это я только великодушно махнул рукой и ушел в свою спальню.

Подозрение, что это именно я вел себя как дурак, постепенно зрело в душе.

Рано утром корабль причалил в речном порту Тазгола. Завтрак, состоявший из бутербродов и горячих напитков, полчасом ранее принес прямо в гостиную стюард, разбудивший нас ровно за пять минут до этого.

Я ел бутерброды и пил кофе, старательно глядя в чашку, и хмуро думал о той минуте, когда мне придется объявить Хенрику, что в свой замок они вернутся очень не скоро. А кое-кто, может быть, не вернется никогда. И как я ни ломал ночью голову, ни одно из тех наказаний, которые, судя по всему, ждут эту семейку, не казалось мне верным. Оставалась одна надежда на Клариссу, она должна была что-то разведать по своим каналам.

Чтобы не устраивать некрасивых сцен на корабле, я решил объявить спутникам неприятное известие по выходе из речного вокзала. А в помощь, немного поразмыслив, призвал Доржа. Подмигнув ему особым образом, когда спускался по трапу.

Речной порт рано утром был полупустым, только редкие группки встречающих стояли на вытертых сотнями ног гранитных плитах набережной. И эта безлюдность должна была значительно облегчить выполнение моей миссии, которую я всячески старался отсрочить. Ну вот дойдем до стоянки дилижансов, тогда...

Хенрик, бывший с утра необычайно угрюмым и подавленным, спокойно шел рядом. Девушки, следовавшие за ним, тоже счастьем не лучились. Зия шла, не поднимая глаз, Ортензия была накрашена, как дикарь в период военных действий. Дорж незаметно следовал за нами на расстоянии нескольких шагов.

Группа молодых повес, явно из столичной золотой молодежи, низко надвинув на глаза шляпы, топала прямо на нас, и я уже собирался прикрикнуть на бездельников, которых едва переносил, как случилось неожиданное.

– А вот и моя драгоценная жenuшка! – франтовато разодетый молодой человек как коршун бросился к нам и грубо схватил Зию за руку.

– Она не твоя жена! – метнулся к нему Хенрик, но второй франт, очевидно приятель первого, подло подставил подножку.

Маг, споткнувшись, рухнул на землю и ударился больным плечом. Видимо, боль была так сильна, что с губ терпеливого прежде парня сорвался невольный стон.

– Не вой, щенок кухонный, это пока тебе только задаток! – злобно ощерился тот, кто назвал Зию своей женой, и я сразу его возненавидел.

У меня иногда так бывает. Одно слово, взгляд, движение – и я ненавижу человека так люто, словно он мой кровник.

Потому я вмиг оказался рядом с повесой и, прихватив за руку повыше локтя, сдал с такой силой, что он охнул и выпустил девушку. К нам тут же бросились остальные двое из этой компании. Я бросил взгляд на одинаково одетых крепких мужчин и пришел совершенно к определенному выводу. Видимо, эти двое были не друзья, а слуги или охранники франтов, и выражения их туповатых, как утюг, лиц не сулили от встречи с ними ничего приятного.

Однако в тот же миг Дорж, догнавший нас, достал служебный рожок пристава и сильно в него дунул. Утюги от этого звука послушно застыли на месте, значит, он был им хорошо знаком, и встреча с правосудием вовсе не входила в планы наемников.

Толпа стражников набежала со всех сторон всего за полминуты, и только тогда я отпустил руку мерзкого типа.

– Что здесь происходит? – Командир стражников холодно разглядывал нашу разномастную компанию.

– Я, лорд Терон Монтаеззи, встречал свою жену, Ортензию Монтаеззи, а эти бандиты на меня напали, – нагло усмехаясь и указывая на нас пальцем, высокомерно заявил офицеру франт.

Что? Не может быть! Он же пропал без вести... погиб... Растерянно хлопал я глазами, не желая этому верить, а интуиция подсказывала, что он не врет. Да и Зия... Что? Ортензия... Черт, какой же я болван!

– Кто может подтвердить, что вы именно лорд Монтаеззи? – официальным тоном спросил офицер.

– Да вот жена и подтвердит, – гадко ухмыльнулся лорд. – Ну, Орти, что же ты молчишь, дорогая?

– Она тебе не жена! – ринулся защищать сестру поднявшийся с плит Хенрик. – Она вдова милорда Доральда Монтаеззи!

– А я слышал, что мой папочка не успел... стать фактическим мужем, – пакостно хихикнул молодой лорд. – Значит, по закону моя милая мачеха должна вернуться в мои объятия.

И он снова потянулся к застывшей как статуя Ортензии. Только слезы, катившиеся по ее щекам, доказывали, что она понимает все, что тут происходит. Начал кое о чем догадываться и я, и эта догадка мне окончательно испортила настроение.

Я быстро сделал Доржу условный знак, и он понимающе кивнул головой.

– Эта женщина вместе со спутницей направляются в Торсанну, на судебное разбирательство, – сделав шаг и оказавшись между Ортензией и ее бывшим мужем, объявил Дорж и достал свой знак пристава.

– Я беру миледи под свое поручительство и обещаю сам доставить в Торсанну! – мгновенно среагировал лорд Терон.

Черт, а он вовсе не промах! И в законодательских хитросплетениях натаскан.

– Я против, – качнул головой Дорж. – Она поедет под стражей.

– Обещаюсь нанять любую, самую надежную стражу, и прошу не разлучать нас! – лицемерно воззвал к офицеру Терон.

Этот человек становился мне все противнее с каждой секундой. И моя интуиция просто вопила, что если и есть среди нас лжец, то его имя Терон Монтаеззи.

Глядя на колеблющегося командира, я ждал его решения. И когда по виноватому взгляду, который он бросил в сторону Доржа, понял, каким оно будет, шагнул вперед и поднял руку.

Офицер, приоткрывший было рот, чтобы огласить свое решение, захлопнул его и терпеливо ждал, пока я сделаю те пять шагов, что нас разделяли.

Проделав со своим овалом привычную операцию, подношу его к лицу командира и подождав, пока он налюбуется золотой каплей, объявляю свое решение:

– Эти дамы поедут в Торсанну в казенной карете под охраной отряда стражников. Лорда Терона Монтаеззи с тремя его друзьями задержать в платных одиночных камерах на двое суток, чтобы не оказывали влияния на свидетелей правосудия.

Стражники по знаку командира немедленно окружили грязно ругающегося лорда вместе с его приспешниками и, отобрав оружие, увели в сторону города, расположившегося на пологом вхождении вверх берегу. Как жаль, что я не имею права задержать их больше чем на два дня!

Настоящую Ортензию и ту рыженькую девицу, что так ловко водила меня за нос, до прибытия черной тюремной кареты оставили на месте. Хенрик бросился к ним, пытаясь обнять и утешить обеих сразу. На вопросительный взгляд стражника я кивнул головой.

Пусть простятся. Ничего плохого маг не сделает, даже перенос построить не сумеет – глянул я утром, пока он надевал рубаху, на его накопители. Там еще и половины энергии нет.

Карета прибыла через пару минут, девушки беспрекословно в нее сели, первой самозванка, второй Ортензия. Остановилась на ступеньке в последний миг, прикоснулась губами к щеке брата, потом глянула через его голову на меня. Словно знала, что я слежу за ней. Мимолетный взгляд в глаза... что-то беззвучно шепнули губы...

В следующий миг она исчезла в темном проеме, дверца захлопнулась, и карета резво рванула с места.

Хенрик потерянно стоял посреди площади, бесполезно стискивая кулаки, офицер, с видимым сочувствием поглядывая на него, не торопился уводить своих людей. Пока Дорж не сделал ему повелительный знак.

Через полминуты мы остались втроем, и я решил наконец, что должен сделать.

– Хенрик, – мягко окликаю мага, – ты пойдешь со мной.

Он, пошатываясь, словно хорошенько выпил, делает шаг, второй... потом, будто очнувшись, оглядывается на меня.

– А... куда? – В серых глазах сквозь боль и растерянность начинает пробиваться интерес.

– Я все объясню. Но сначала уйдем отсюда. Дорж, у тебя здесь дела или едешь в столицу?

– Пока есть одно дельце... да еще тот капитан. Но я буду в столице дня через три... Где тебя найти?

– Южное предместье, магиня Кларисса.

– Знаю. – Дорж еле заметно кивает и уходит назад в порт.

Я разворачиваюсь в сторону города, маг послушно топает сзади. Изредка он тяжело вздыхает, и его вздохи рвут мое сердце.

Мне хочется задать ему несколько вопросов... и одновременно не хочется слышать ответы. И я снова, как час назад, откладываю все выяснения до более удобного времени и места...

Башня переноса находится не очень далеко, но идти пешком у меня нет никакого желания. И настроения. Все вокруг стало вдруг бесцветным и неприятным, не хочется радоваться ни ясному утру, что заливает город золотистыми солнечными лучами, ни мирным лицам людей, спешащих по своим делам. Или просто направляющихся к набережной на утреннюю прогулку.

Из экипажей, дежурящих на углу, выбираю тот, что с закрытым верхом.

– Господин, у нас очередь, возьмите крайний экипаж!

В ответ на это указание соседнего возницы, решившего по моему костюму, что перед ним небогатый провинциал, я рявкнул так злобно, что через полминуты, уже сидя в мчащемся по улице транспорте, почувствовал раскаяние. Разумеется, я не стану возвращаться и просить прощения, боюсь, возница такого просто не поймет. Но за своим поведением впредь постараюсь следить строже. Иначе вскоре вполне могу превратиться в такое же чудовище, как этот наглый лорд. Вот почему у скромного и отважного воина вырос такой гадкий сыночек? Чем таким важным был занят милорд, я даже представить не могу, но что не воспитанием наследника, это точно.

В зале ожидания башни небольшая очередь ждет переноса, и я, не желая афишировать себя еще и здесь, послушно встаю последним. Хенрик, так покорно выполнявший все мои последние указания, словно находился в трансе, вдруг очнулся и решил выяснить, где это мы находимся.

– Это же башня переноса! – с превосходством бросает ему стоящий перед нами ухоженный господин, сжимая в побелевших пальцах ручку дорогого саквояжа.

– Куда? – в недоумении оглянулся на меня Хенрик.

– Да куда хотите! – Господин с саквояжем свысока поглядывает на мага как на деревенского дурачка.

– Жиль, а откуда у нас деньги? – бросив на него неприязненный взгляд, тихо интересуется Хенрик.

– Потом, – сдержанно киваю я, не желая больше лгать.

Он поднимает на меня серые глаза, и в них постепенно появляется такое же задумчивое понимание, как вчера у Зии...

И мне становится совсем паршиво.

Дежурный маг в башне оказался знакомым, он уже пару раз отправлял меня в этой личине, поэтому выжидать, пока отправятся все, кто стоит впереди, нам не пришлось.

Выглянув в зал и заметив лицо Жилия Зовье, он призывно махнул рукой, и я, схватив Хенрика за руку, бойко рванул на зов.

Что-то тихонько и недовольно пробурчал нам в спину господин с саквояжем, но я даже не подумал обернуться. Захлопнул за собой дверь, встал на площадку подъемника рядом с магом, подтянул Хенрика. Маг дернул рычаг, и площадка легко заскользила вверх. Хенрик с хмурым любопытством оглядывается вокруг, а маг-телепортист внимательно разглядывает его.

– Ты маг? – звучит вопрос, когда мы достигаем верхней площадки.

– Да, – кивает Хенрик, – третий разряд, Северная школа.

– Ясно. Куда? – А это вопрос уже мне.

– Южная башня Торсанны.

Он только согласно кивает, и мы проходим к обнесенному низким бордюром кругу. Вид с этой башни на город просто потрясающий. Невдалеке вьется широкой серебряной лентой река, вокруг зеленеют первыми листьями самые смелые деревья и нарядно золотятся купола храмов и крыши дворцов. Серый туман на миг закрывает панораму, а когда он рассеивается, в лицо ударяет жаркий ветерок, принесший сладкий аромат цветущей сирени.

В Торсанне весна в полном разгаре.

– А, Зовье! Доброе утро! – завидев меня на приемном круге южной башни, громко приветствует местный телепортист.

– Привет, Силар! Бросишь меня к Клариссе?

– Извини, клиентов очень много. Да не расстраивайся, ее все равно сейчас дома нет. Я лучше пошлю ей вестника, пока доедешь, как раз вернется! – жизнерадостно улыбается он, и я, понимая кивнув в ответ, первым ступаю на потертые ступеньки широкой лестницы.

Торсанна стоит на приморских холмах и здесь башня намного ниже тазгольской. Потому и ходят клиенты верх и вниз собственными ножками.

– Кто ты такой? – неожиданно задал Хенрик вопрос, который должен был задать еще на грузовозе.

Ну, разумеется, в том случае, если хоть немного больше интересовался окружающими, чем этой... как, кстати, ее зовут?

– Все ответы на вопросы получишь, когда доберемся до места, – отрезаю я твердо, иначе мы застрянем на этой лестнице надолго.

Потому что вопросы есть не у него одного. И почему-то мне кажется, что у меня их намного больше.

Он скептически хмыкнул, но предпочел пока поверить на слово. Как будто у него был другой выход!

Или у меня.

Глава 9

До домика Клариссы мы добрались на открытой повозке, и вид цветущих улиц южного предместья немного отвлек меня от мрачных мыслей.

Море узким заливом подступает к Торсанне с юго-востока, и потому южная часть города – это самый зеленый и тихий район. С одной стороны, от морских набережных и пляжей недалеко, с другой – не так многолюдно, как на северо-восточном берегу. Где расположены все причалы, склады и рыбные заводи. А также таверны, гостиницы и игорные дома.

Калитка, заговоренная от вторжения непрошенных гостей, пытается захлопнуться перед Хенриком, и мне приходится ее придержать. Пройдя узкой дорожкой мимо клумб, пестрящих цветущими нарциссами и тюльпанами всех цветов, добираюсь до парадного крыльца.

– Меня нет дома! – весело объявляет входная дверь и я, не поднимаясь на низенькое крыльцо, огибаю дом вокруг.

С задней стороны к нему пристроена широкая крытая веранда, на которой стоит невысокий стол, а вокруг него любимые Клариссой кресла, оплетенные мягкой, шелковистой манирской веревкой.

Устраиваюсь в ближайшем к столу кресле и, кивнув Хенрику на другое, подвигаю поближе кувшин с квасом и плоское блюдо с перевернутыми вверх дном кружками. Кларисса всегда их так ставит, после того как не глядя налила квас в кружку, в которой ползала оса.

В тот раз она от боли в укушенном языке сожгла непроизвольно сорвавшейся молнией свою веранду, поэтому та, на которой мы теперь сидим, стоит всего третий год. Правда, как обычно и бывает, нет худа без добра. Эта веранда намного шире, и окна на ней в непогоду закрываются поднятыми под потолок застекленными рамами. Так что не приходится при первых косых порывах дождя таскать кресла в дом, как мы делали раньше.

– Хозяйка этого дома твоя жена... или... – замялся Хенрик, задав этот неожиданный вопрос.

– Я его друг и наставник, – звонко ответила Кларисса, выходя на веранду из дома.

– Привет! – Вскочив с кресла, крепко обнимаю невысокую, пухленькую женщину с короткими, белоснежными, пышными волосами, делающими похожей ее голову на одуванчик.

– Здравствуй, здравствуй! Не ожидала тебя увидеть в таком виде! А что с прежней личиной?

– Все объясню. Но сначала... сними ее.

– А кто этот молодой человек?

– Он маг. Третий разряд, Северная школа.

– Ладно, – чуть пристальнее взглядевшись в Хенрика, соглашается она. – Садись уже, а то мне до тебя не дотянутся!

И пока я сижу в кресле под струями энергии, снимающей с меня пару десятков лет, маг следит за нами чуть сузившимися, подозрительными глазами.

– Ну вот и все! – снова засмеялась Клара, садясь напротив. – Зеркало нужно?

– И так еще помню, как выгляжу, – отказался я и в упор глянул на Хенрика: – Ну, а теперь будем знакомиться? Грег Диррейт.

– А я просто Кларисса. Магиня Кларисса Тентифель, – поправляется Клара.

– Хенрик Тарни. Штатный маг миледи Монтаеззи, – хмуро произносит мой спутник, уже поняв, что смолчать и что-либо утаить у него не получится.

– А также старший брат этой самой миледи, – со вздохом добавляю я и честно признаюсь: – Но я об этом узнал только сегодня. О том, кто именно его сестра. За миледи Монтаеззи себя выдавала совсем другая девица. Кстати, Хенрик, как ее настоящее имя?

Он долго мнетя, сопит и несчастными глазами разглядывает узор на кружке. Но мы его не торопим. Я уже сделал Кларе знак, что все под контролем и времени достаточно, вот она и не начинает давить на убитого двойным горем парня.

– Мари, – с совершенно подавленным видом заявляет он наконец.

И видя, что нас такое сокращение не устроило, совсем тихо шепчет:

– Марита Чануа.

– О! – изумленно вскрикнула не ожидавшая такой удачи Клара, а я только поморщился как от зубной боли.

Лучше никому не рассказывать подробностей нашего с ней путешествия, иначе от шуточек на эту тему мне не спастись в ближайшие сто лет. Имя Чануа известно всем в столице и за ее пределами. Магазины Чануа, гостиницы Чануа, трактиры и таверны Чануа – и в столице, и в любом маленьком городке можно встретить это имя.

Мы уже несколько месяцев безрезультатно занимаемся розыском единственной дочери этого удачливого иммигранта с юга. Опередившего основной поток беженцев лет на пятнадцать и сумевшего развернуться во весь свой неумный торговый талант. Основой его успешной деятельности явилась женитьба на дочери местного трактирщика, отдавшего свое заведение в ловкие ручки зятя.

Дочка разбогатевшего за двадцать лет Чануа сбежала из дома во время неудачной попытки отца выдать ее замуж за обедневшего барона. Очень уж хотелось папеньке-торговцу внучат-аристократов. Но девица оказалась с характером. Отстригла пышные локоны и, соорудив из них прическу собственной служанке, вывела ту под венком и фатой к жениху, а сама ушла через черный вход в стареньком тулупчике и чепчике сообщницы.

С тех пор о ней не было ни слуху ни духу. Теперь понятно, почему не смогли взять след магические поисковички. Хенрик постарался. Тогда, значит... к нему она и сбежала. Потому и решилась пойти против воли отца.

Черт, как все просто-то! Вот почему у нее были такие плохонькие и короткие волосы... От постоянной носки парика они и не росли...

А я еще так веселился, когда их стриг! Наверное, она каждый сантиметр вымеряла, пока подрастет...

Стыд и раскаянье охватили меня с такой силой, что я на минуту позабыл все зло, что она мне причинила – как теперь понимаю, чисто по глупости и прирожденной склонности к авантюризму. Вся в папеньку!

– Но это ее девичье имя! – неожиданно решительно добавляет Хенрик и упрямо поднимает ставшие стальными серые глаза: – Теперь она Марита Тарни, моя жена!

Ох, зря он такое заявил! Если не найдется ни одного свидетеля, облеченного достаточной властью, чтобы подтвердить его слова, парень вполне может загреметь в рудники за соблазнение с корыстной целью. Рассерженный отец наймет ловких законников... и больше никогда не увидит рыженькая Мари своего Хенрика.

– Подождите немного! – Кларисса, словно вспомнив что-то, убежала в дом.

Знаю я, что она вспомнила. Срочно отправлять вестников, что Марита найдена, побежала. Небось не один маг девицу ищет. Про очей я и не говорю, наши все в курсе. Это как же я-то так лопухнулся! Совсем от возмущения разум помутился в этом мраморном подземелье, раз не сопоставил всем известные приметы с внешностью моей похитительницы! Хотя теперь припоминаю... мелькало в мыслях, что я упускаю нечто важное... но как-то задуматься все-речь все не получалось. Сначала с толку сбивали ее способности... да плюс слуги, потом маг, камеристка... отлично они спелись.

И понять я теперь все могу, кроме одного момента... Но про него Хенрика спрашивать не стану. Нет, ни за что не стану.

– Грег... спасибо.

– За что? – удивленно поднимаю брови, хотя уже прекрасно понял за что.

– За то, что не отдал Орти этому... – Он скрипнул зубами.

– Пожалуйста. Она должна предстать перед судом. А он не внушил мне никакого доверия, – уверенно говорю я то, что должен ему сказать... но думаю по-другому.

Просто до судорог взбесило меня гнусное обращение лорда с девушкой. И что-то подсказывало, что едва он окажется с ней наедине, то поведет себя намного жестче. Уж больно что-то пакостное и злобное проскальзывало в его высокомерном взгляде.

– А ты специально за нами следил? – осторожно спрашивает Хенрик, пряча от меня глаза.

Что ему ответить? Если правду... то нужно рассказывать все полностью. А врать я не люблю. Нет, бывает ложь во имя доброго дела, во спасение, так сказать...

Но вот ради выгоды нагородить кучу лжи – это мне всегда было противно.

– Грег по моей просьбе защищал лорда Зигеля от покушения, – одной фразой сдала меня Кларисса, выходя на веранду с корзиной в руках.

Ох, что тут сейчас будет, когда до Хенрика дойдет истинный смысл ее сообщения...

– Но сначала, – расставляя на столе тарелки с едой, продолжает магиня, – мы поедим, и ты, Хенрик, расскажешь нам, зачем твоей сестре понадобился Зигель. А потом мы с Грегом ответим на твои вопросы. И решим, что нам делать дальше.

Идея подкрепиться оказалась очень своевременной. Хоть и завтракали мы всего пару часов назад, но после такого эмоционального потрясения, какое мне пришлось сегодня испытать, я очень голоден.

Пока мы перекусывали, Хенрик мрачно хмурил брови и тяжело вздыхал, что-то решая про себя. И, судя по его горестной физиономии, решения эти давались ему крайне нелегко.

Он даже не догадывался, что Кларисса легко читает его эмоции, особенно такие бурные. И делает свои выводы, от которых в большей степени будет зависеть, поверит она ему или нет.

Поглядывала она и на меня, но я предусмотрительно подстраховался. Активировав самый мощный амулет. Часа на три-четыре его зарядки хватит, а потом я сбегу. Не такое у меня сейчас настроение, чтобы позволять даже старым друзьям копаться в своих чувствах.

Однако, несмотря на ограниченное действие защиты, я не торопился побыстрее закончить с едой. Интуиция просто кричала, что выслушать откровения мага мне будет не очень приятно.

И все же, как мы ни тянули время, пихая в себя явно лишние куски, настал момент, когда есть стало просто нечего.

– Ну, Хенрик, рассказывай, – складывая в корзину пустую посуду, предложила Кларисса.

Я еще надеялся, что у нас есть хоть пара минут, пока аккуратная магиня унесет корзинку в дом, но она просто поставила ее на пол и, положив подбородок на сплетенные пальцы, уставилась ожидающим взглядом.

– Про что рассказывать? – занервничал маг.

– Про все. Почему лорд Монтаеззи женился на твоей сестре. Почему его отец на ней женился. Почему она так не хочет возвращаться к первому супругу. Ну?

А при чем тут... кто на ком женился? Или она хочет найти скрытые мотивы? Ну, так это никому не поможет, даже самые благие мотивы не искупают тяжести содеянного!

– Это не моя тайна... – начал было Хенрик, но Кларисса резко стукнула кулачком по столу.

– Раз ты в это ввязался... и позволил ввязаться своей жене... – Тут она вопросительно взглянула на меня, и я прекрасно понял, что значит ее взгляд.

Официальным лицом, имеющим право подтвердить добровольность их брака, могу быть и я. Если захочу.

Вот только я пока и сам не знаю, чего я захочу в следующую минуту. Признать их мужем и женой и отправить в суд как преступную группу... или опровергнуть его слова и тем самым облегчить участь Мариты.

– Это я во всем виноват, – внезапно охрипшим голосом сообщает Хенрик. – Мне не понравилось, что внезапно воскресший Терон будет хозяйничать в замке, и я решил выдать сестру за Зигеля. Он моложе... и более доверчив. Им легче манипулировать! А Терон властный, жестокий... моя сестра... его не любит. Вот я и придумал этот план и заставил женщин меня слушаться. Ведь я же маг!

Я гляжу на Хенрика и не верю своим ушам.

Он врет.

И врет чудовищно! Я знаю, как он нежно любит сестру и Мари, он никогда бы не стал их заставлять делать нечто подобное!

Значит, собирается взять всю вину на себя. Только еще не понимает, что из этого ничего хорошего не выйдет.

Мари вернут к отцу, и он немедленно выдаст ее замуж по своему выбору. Зию... Ортензию... вернут этому негодяю. А самого Хенрика запрут в подвалах ковена и будут использовать как инструмент для зарядки накопителей.

– Я тебе не верю. Ты неправильно просчитал все последствия своего заявления и очень об этом пожалеешь, если не расскажешь, как все было на самом деле. И если твоя сестра достойна помощи, то ты ее получишь, я в этом клянусь! – мягко сообщает ему Клара, и я от всей души благодарен ей за это.

Но искренность добрых намерений магини до Хенрика не доходит.

– Я не могу... как вы не понимаете?! – С болью и укором смотрит он на нас. – Я клятву давал перед Всеслышащим!

– Кому клятву? – разочарованно интересуется Кларисса.

– Ей. Ортензии. Но... это и не ее тайна. Она тоже клятву давала.

– Ладно, – соглашается Кларисса, тяжело вздохнув, – мне нужно немного подумать. А вы пока отдыхайте, на втором этаже есть свободные спальни.

Ну, про эти спальни я и сам знаю. Сколько раз там отсыпался после заданий. Дом построен так хитро, что с улицы кажется одноэтажным. А на самом деле в доме имеется просторная мансарда, где расположены четыре небольшие спальни и аккуратная купальня.

Я веду туда Хенрика по узкой деревянной лесенке с витыми перилами и размышляю о том, что может придумать в нашем случае Кларисса.

Изворотливости ее ума мне приходилось удивляться не раз, но я точно знаю, что и она одна ничего не решает. Уж слишком часто магиня круто меняла ею же самой предложенные планы. После того как уходила «подумать». Значит, советуется с кем-то более мудрым или располагающим более полной информацией. А возможно, и властью. И кто это может быть из главных магистров, я не хочу даже догадываться. Меньше знаешь – крепче спишь.

Потому-то я и не удивился, когда она не стала больше расспрашивать Хенрика. Ведь в ее власти вызвать жреца храма Всеслышащего и попросить освободить мага от данной им клятвы. Во благо стране и короне!

– Выбирай, где будешь отдыхать, – поднявшись в маленький холл верхнего этажа, предложил я.

– Все равно, – безразлично буркнул Хенрик. – Ты хотел... рассказать про Зигеля.

– Не хотел, а обещал. В ответ на твой честный рассказ. Но ты же солгал? Значит, и я в ответ тоже могу только солгать, – резко обрываю его надежды и ловлю разочарованный взгляд.

А на что он, собственно, надеялся? Что я начну в открытую ему сочувствовать? И пойду против закона и собственных принципов? Ну, так я и так сочувствую, правда, пока сам не понимаю, почему это делаю.

А вот все остальное он еще должен заслужить.

В небольшой спальне из мебели только кровать, столик и кресло. Шкафы встроены в покатую стену, и там же имеется несколько тайников на всякий случай. Да и подземный ход под домиком есть, и даже я не знаю, куда он ведет.

Кларисса как-то проронила, что ход остался от старого здания и давно не чищен, но я ей почему-то не поверил.

Мне не хочется спать, куча разных предположений терзает мой мозг. И некоторые из них настолько чудовищны, что мне потребовалось призвать свое разбушевавшееся воображение к порядку, чтобы отбросить их как несостоятельные.

– Грег... – Стук в дверь, раздавшийся примерно через час, воспринимается мной как спасительный стакан воды в летнюю жару.

– Входи.

– Что мне будет... ты знаешь?

Знаю. И с удовольствием, не скрывая подробностей, выкладываю белеющему на глазах Хенрику.

– Но ведь... если она моя жена...

– Если тебя признают преступником, ее отец тут же получит для нее развод. Это если ее вообще признают твоей женой. И тогда ничто не спасет Мари от брака с бароном... как его имя...

– Но... неужели нет никакого выхода?

– Есть. Признаться во всем честно. Если не хочешь выдавать тайну, пригласим жреца.

– Я... должен подумать... – бормочет несчастный маг и быстро скрывается в своей спальне.

Немного постояв, иду вниз, на веранду. Лучше сидеть там и наблюдать, как бабочки выются над распустившимися цветами, чем сводить себя с ума нелепыми предположениями. Так уже много раз бывало в моей практике: напридумываешь всяких страшных тайн, а правда окажется до противного банальной.

У людей имеется не так уж много серьезных поводов для совершения недостойных поступков.

Этот день мне показался длинным, как северная ночь. Я не мог уйти в город, чтобы развеяться, – Кларисса, все время занятая делами, велела приглядывать за магом.

А взять его в город я бы и сам не решился. Хенрика настолько выбили из рамок события этого утра, что он стал беспомощнее маленького дитяти.

И только в эти часы я наконец окончательно убедился, что Дорж был совершенно прав. Когда заявил, что, несмотря на возраст, старшей в их маленькой семье является Ортензия. Я с печалью смог наблюдать, что именно ее отсутствие превратило парня в растерянного мальчишку.

Ужинали мы поздно и молча. Кларисса выглядела страшно измученной, и накопители на ее груди мутно поблескивали необтертыми новыми цепочками.

Это значило, что свои, привычные, она выкачала досуха, а для этого нужно не раз открыть портал переноса.

Это наводило на определенные мысли, но задавать любые вопросы было бессмысленно. Она все равно ничего не расскажет, пока не убедится в полнейшей достоверности своих сведений.

– Завтра утром я ожидаю одного человека, который расскажет мне про все тайны милорда Монтаеззи, – неожиданно сказала Хенрику магиня, ставя на стол кружку с квасом. – Поэтому, если хочешь что-нибудь мне рассказать... раньше него, у тебя есть время.

Но он только грустно на нее взглянул и покачал головой. К вечеру маг как-то собрался, видимо, пришел к какому-то решению, и я собирался Клару об этом предупредить. Но она меня опередила.

– Тогда дай сюда свои накопители и надень вот этот браслет, – сказала она равнодушно и протянула руку, в которой матово светился молочно-белый металл.

Хенрик побелел – в который раз за этот день, – но спорить не стал. Снял с шеи гроздь накопителей, большинство из которых были уже полны, судя по проскакивающим искрам, и взял в руки браслет.

Даже у меня пробежал холодок по спине при взгляде на этот невинный с виду предмет. Браслет полного подчинения. Человек не может ничего дурного сделать себе или окружающим, не может уйти далеко от того места, где находится контрольный браслет. Артефакт не заставит рассказать свои секреты, но и не позволит выдать чужие. Очень дорогая и редчайшая штучка. Магистр, сделавший шесть пар этих уникальных артефактов, исчез во время загадочного эксперимента, а секрет изготовления браслетов не открыл никому.

И потому используются они магами очень и очень неохотно. По всей вероятности, Клариссе пришлось приложить немало усилий, прежде чем ей выдали эту пару. И мне трудно даже представить аргументы, которыми ей удалось убедить скуповатых магистров.

Браслет сам стянулся на запястье горько усмехнувшегося мага, и он, дерзко взглянув в глаза Кларе, преувеличенно вежливо попросил разрешения погулять по саду. Но она, к моему изумлению, ответила отказом и отправила его в спальню.

Сделав мне знак остаться.

– А теперь расскажи мне подробно все, что с тобой произошло с той самой минуты, как тебя сунули в багажный ящик кареты. Этот эпизод мой человек видел, – бросая в рот жареный орешек, скомандовала магиня.

И мне пришлось подчиниться. Но вовсе не по обязанности, бывали случаи, когда я ничего ей не рассказывал.

Но не в этот раз. Сейчас только она могла повлиять на абсолютно проигрышную ситуацию, и, если рассказ о моих приключениях может ей помочь, она получит его во всех подробностях.

Мы просидели в своих креслах далеко за полночь, и я давно уже все рассказал и ответил на сотню совершенно нелогичных, с моей точки зрения, вопросов.

Кларисса уже сгрызла целую кучу орехов и сидела, уставившись задумчивым взглядом в одну точку, когда перед ней лопнул шарик магической почты.

Такие срочные послания всегда несут очень важные новости, но почему при виде именно этого крошечного клочка бумаги у меня так тоскливо сжалось сердце, я и сам не понял.

Пока не взглянул в расширившиеся глаза магини.

– На карету с миледи и Мари совершено нападение! Стражников усыпили эльфийскими стрелами, женщин увезли в неизвестном направлении... – растерянно произнесла она, видимо сама еще полностью не поверив в происшедшее.

Что-то с оглушительным звоном лопнуло у меня в голове, больно сжалось в груди сердце, и привычный мир исчез.

Не было больше страны, столицы, моря, неба... не осталось на планете ни короля, ни магистров, ни лордов, ни торговцев.

Никого.

Стали неважны все проблемы, что волновали меня из года в год и должны были волновать еще не одно десятилетие.

Перестали иметь хоть малейшее значение все вещи на свете.

Кроме одной.

Она в опасности!

Ее украли, ей плохо... над ней, возможно, в этот момент издеваются... а я сижу как дурак и не могу даже вздохнуть.

– Грег! – отчаянно закричала Кларисса, пытаясь меня остановить, но я уже рывком распахнул легкие двери и как вихрь неся по дорожке к выходу.

Знакомая калитка неожиданно выбросила, как осьминог, кучу щупалец и вцепилась ими в меня. Нож, который я успел выхватить, застрял в упругой древесине, а в следующий момент мои руки оказались так плотно прижаты к телу, что ничего перерезать, кроме собственной ноги, я бы не смог. Но ноги мне пока еще были необходимы, я даже на миг не усомнился, что сумею удрать.

– Ох, боги, ну как же я не сообразила! – причитала Кларисса, пытаясь влить в меня, намертво прикрученного к вкопанной в землю скамейке проклятыми лианами, какое-то снадобье.

– Фрр... Тьфу! – выплюнул я эту гадость на собственную рубашку и зарычал на Клару: – Ты что это себе позволяешь? Ты на кого нападать вздумала? Отпусти немедленно, иначе я устрою такой скандал, что всем магам тошно будет!

– Грег... ты сейчас не кричи. Сначала я скажу несколько слов, потом твоя очередь. Ну? Потерпи одну минуту!

Скрипнув зубами и сплюнув еще раз горьковатую слюну, ожидающе гляжу на нее.

Я выслушаю все, что угодно... и даже притворюсь, что с тобой согласен! Но едва ты дашь команду своим лианам отпустить мои руки... специально на самый крайний, самый непредвиденный случай у меня заготовлена парочка сюрпризов!

– Я, дура старая, ничего сразу не поняла! – непонятно в чем кается она. – Еще сердилась, ну почему ты не сообразил все сам, как только увидел их сходство? Ведь обычно тебе достаточно малюсенькой зацепочки... ты же такие клубки разматывал... Решила – устал, отправить отдыхать хотела... А оно вон как обернулось! Но теперь-то я по-другому действовать начну. Твое счастье и спокойствие для вашей конторы очень важный фактор... А я все гадала: неужто так и останешься в ловеласах до старости? Никто тебя не цепляет... а тебе ведь уже тридцать два...

– Клара! – зарычал я. – Ты уже пять минут воду толчешь, не пора ли говорить по существу? При чем тут мой возраст и мое счастье? И к чему ты приплела мою службу? Признавайся, ждала, пока подействует твое снадобье? Так не дожدهшься, я ни капли не проглотил, а рот у меня заклятьем защищен. Сколько раз приходилось с разными типами из одной бутылки снотворное пить. Так что говори быстро, что хотела, и отвязывай меня! Иначе я забуду, что ты мой друг... хотя и не хотелось бы.

– А вот это серьезное заявление. Впрочем, заранее можно было понять, что у тебя по-другому и не будет. У таких, как ты, всегда так. Сначала куча разных женщин, а потом раз – и все. Ну а если с ней не получится... но об этом сейчас рано. Куда ты бежать собрался, я поняла – спасти Ортензию. И почему ты, ничего не продумав, налегке рванул, тоже теперь не новость. А вот куда ты бежишь сейчас, когда чуть поостыл? Если даже не спросил, в каком именно месте на них напали, куда следы ведут, кто розыском занят, открыт ли туда перенос. Пойду ли я с тобой, нужно ли брать Хенрика... Вот почему ты все это не узнал, прежде чем нестись, сломя голову, неизвестно куда?!

А действительно... почему? Ну раз она все это и сама знает, чего меня спрашивает?

– Отпусти меня и рассказывай! – приказал я.

– Дай клятву, что не побежишь, пока не переоденешься и не возьмешь все необходимое! – испытующе смотрят почти желтые глаза.

– Клара! Я уже все понял! И не тяни время. Ты-то идешь?

– Да! – Она махнула рукой, и мои конечности оказались на свободе.

В тот же момент я вскочил и побежал. Клара трусила следом.

– Грег, ты Хенрика возьмешь?

– Зачем? От него одни проблемы!

– А как его сестре в глаза посмотришь, если ее найдешь и она спросит про брата? – Голос Клары звучит все тише.

Магиня она сильная, а вот бежит не очень.

Действительно, в глаза Зии мне будет нелегко смотреть... А вот почему никто не думает, каково мне теперь смотреть в глаза Хенрика? Если я увижу в его глазах полный укора и горечи взгляд ее серых глаз?

– Хенрик! – зову мага, стрелой взлетев на мансарду, и бросаюсь к шкафам в своей спальне.

– Что? – Похоже, он не спал.

– Собирайся! Надевай дорожную одежду, сапоги... Да поторопись, их украли!

Он сразу понял кого. Метнулся в спальню, начал суматошно одеваться.

Потом прибежал в одном сапоге и не застегнутой летней куртке.

– Грег, кто их украл? – спросил, размахивая вторым сапогом и тревожно ища ответ в моих глазах.

– Да откуда я знаю! Стражников усыпили эльфийскими стрелами... больше ничего в сообщении не было. Что ты стоишь в одном сапоге?

Да знаю я, что не нужно на него кричать, он ни при чем...

Даже если бы все нам рассказал, никто бы за девушками через портал идти не поспешил, я точно знаю. Перенос дело дорогое, а они завтра к вечеру и так должны были быть в столице. Значит, кто-то точно знал, что если они сюда попадут, то их уже не выкрадешь. И хотя я переживаю только за одну девушку, но разум подсказывает, что как раз вторая в значительно большей опасности. Ортензию никто пальцем не тронет, пока не передадут бывшему мужу. Для восстановления его в правах на поместье миледи нужна Терону живой. А вот Мари не нужна никому.

– Сейчас... сейчас... – бормочет маг и прыгает на одной ноге, вместо того чтобы спокойно сесть и обуться.

Я открываю рот... но готовое сорваться указание застывает на губах. Слишком похоже его поведение на... меня самого пять минут назад. Когда я мчался по дорожке неизвестно куда.

Только ему еще хуже. Он переживает за них обоих.

– Садись на стул, так удобнее, – мягко говорю я и неожиданно для себя задаю вопрос, который еще полчаса назад даже не возник бы в моей голове.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать пять. – Хенрик почему-то насторожился.

– А Зие?

– Двадцать один. – Он смотрит на меня так горестно, что я начинаю кое-что понимать.

– Ваша мать была кухаркой в замке Монтаеззи?

– Да, – с трудом выдавил Хенрик, и лицо его начало краснеть.

– Я готова! – кричит снизу Клара, и я немедленно срываюсь с места, хотя мне осталось задать всего один вопрос.

Ну или от силы два. Но это подождет. Сначала мы должны ее найти. И спасти. И ее, и эту глупую рыжую авантюристку, за чью жизнь я сейчас не поставлю и медяка.

– А ты не зря... так вооружился? – бормочет Клара для вида, ведь от ее замечания не зависит ровным счетом ничего.

Раз уж я взял свои арбалеты и обвесил пояс болтами, значит, не намерен без них никуда идти. И это замечательно, что она не видит, какие именно болты я тащу с собой.

Прощать и миловать похитителей у меня сегодня нет никакого желания.

Глава 10

Перенос выкинул нас в пахнущую навозом и лошадиным потом темноту, и я не сразу понял, что это какая-то конюшня. Клара немедленно зажигает над головой магический светлячок, и обнаруживается, что выход прямо перед нами. На улице никого из сыскарей нет, зато караулит полусонный дед в огромном тулупе. Хотя в столице весна в разгаре, здесь, на перевале, ночи холодные.

Пока мы бежим в направлении, указанном стариком, в моей голове складывается примерная картина нападения. Судя по тому, что нападающие поджидали карету на самом узком месте, у них был либо человек, знающий эти места, либо много времени в запасе. Чтобы все разведать самим.

И второй вариант кажется мне наиболее верным. Чтобы найти местного проводника, нужно расспрашивать о нем, прекрасно понимая, что про эти расспросы потом все вспомнят. Либо быть настолько предусмотрительным, чтобы найти его много раньше. А такая предусмотрительность, и тем более подготовка, стоят больших денег. Лорд же, числящийся пропавшим, должен быть беден, как бродяга.

И тут передо мной встают как наяву его холеные руки и модный камзол от дорогого портного. Как интересно! Значит, деньги все-таки у него откуда-то были! Не забыть бы расспросить Хенрика, кто в замке ведаёт финансами. И еще одна полузабытая подслушанная фраза всплывает в сознании, и теперь я ее кладу в особое местечко, где запоминаю вопросы, на которые нужно обязательно получить ответ.

Карета так и стоит на том же месте, где настигли ее нападающие, и Хенрик бросается к ней с такой надеждой в глазах, словно надеется найти девушек под скамейкой.

Еле я успел его поймать. Ничего он там не найдет, сыскари свое дело знают, небось уже каждую щелочку проверили. И все, что было, забрали для изучения. А вот сбить магический поисковичок, что маги прицепили, вполне может, не зря ему еще в холле Клара накопители отдала и браслет сняла. Взяв взамен слово, что станет ее слушаться.

Хотя... я его вполне понимаю. Самому невтерпех потрогать скамью, где она недавно сидела, вдохнуть улетающий запах ее одежды... Нет, вся эта чепуха, что Клара несла, бред, конечно, полный... Но почему у меня так темнеет в глазах при одной мысли о том, что могли мерзавцы сделать с девушками?

Прозрачный, словно мыльный пузырь, шарик лопается у руки магини, и она спешно разворачивает новый клочок бумаги.

– Что? – одним прыжком я оказываюсь рядом.

– Здесь неподалеку есть пещера. Они ждали там. Оттуда и ушли... порталом.

Дьявол! Дело намного хуже, чем я думал вначале. Мне-то виделась погоня на лошадях... Ну, лично я на своем Тауре, а он вовсе не лошадь... Перестрелка, освобождение... Оказывается, ничего этого пока не будет. Будут сидеть над особой картой маги, водить в трансе руками, чтобы ощутить слабый укол поисковичка.

– Где тут брат миледи?! – тяжело дышит выбежавший из тьмы маг. – Решили искать по крови!

Не рассуждая и не задавая вопросов, хватаю Хенрика за руку, и мы в неверном свете луны несемся по камням вслед за магом. Светлячок, умеющий двигаться над хозяином, остался вместе с Кларой далеко позади, а наш провожатый, видимо, еще не так крут, чтобы создавать движущиеся без подпитки светляки.

Но это не имеет сейчас для меня никакого значения, раз этот парнишка в форменном камзоле прибежал без света, значит, я тем более смогу.

В пещере светло от трех мощных светляков, освещающих каждый камень и каждую расщелину.

И еще тут полно народа – сыскари, во главе с генералом Тродинионом, маги, даже пара знакомых очей. Похоже, наглость преступления задела слишком многих. Или это ковен, по наущению Клары, поднял такую бучу?

Несколько магистров, среди которых я сразу нахожу взглядом парочку очень важных особ, сосредоточенно занимаются нелегким делом поиска.

Они уже разложили по столу, принесенному через портал, свою магическую карту, на которой как живые текут реки и стоят горы. Вся магия страны соединена с картой незримыми нитями, и найти отмеченного маячком человека можно поисковиком. А девушек такими маячками должны были пометить в Тазгольском управлении безопасности.

Однако по слабому разочарованию, скользнувшему по лицу взглянувшего на нас мага, сразу понятно, пока никого найти не удастся. Выравнивая дыхание, подвожу к нему Хенрика и подталкиваю поближе:

– Вот ее брат.

Один из магов, не мешкая, схватил Хенрика за руку и ткнул чем-то острым в палец. Капельку крови собрал на тонкую стрелку поисковика и, подождав секунду, пока кровь растеется, подвесил стрелку в энергетическом поле карты.

Затаив дыхание слежу, как стрелка медленно, но уверенно двинулась на северо-запад, в сторону равнин. Уже легче, значит, девушек везут в поместье Монтаеззи.

Тогда у нас есть целые сутки, чтобы устроить милорду засаду.

И выяснить, кто же этот сообщник милорда, устроивший такое талантливое похищение.

Я уже почувствовал азарт подготовки к засаде и предвкушение разоблачения, как вдруг стрелка замерла. Дернулась беспомощно туда-сюда и зависла на одном месте.

Не может быть! По родственной крови, тем более мага, она просто обязана была дойти до того самого места, где держат Ортензию! И раскрутиться над ним, подавая знак. Я несколько раз наблюдал такую процедуру, и всегда она заканчивалась одинаково. Так почему же именно сейчас, когда мне так нужна ее помощь, эта проклятая стрелка висит, как сухая муха в паутине?

– Что происходит? – не выдерживаю я многозначительного переглядывания разочарованных магов.

– Нужно попасть в это место, – мягко поясняет неизвестно в какой момент присоединившаяся к нам Клара. – Видимо, здесь женщин разделили.

– Но почему... – горячо начинаю возмущаться я, и вдруг понимаю...

Ох, дьявол! Хенрик, ну что же ты не сказал сразу... и как вообще разрешил ей участвовать во всей этой аванюре?!

– С ней... – дрожат губы парня, – все в порядке?

– Прибудем на место – узнаем! – неопределенно бросает магистр Леон, осторожно скручивая на мягкий валик карту. – Сейчас попробуем выйти на то место... Кто открывает портал?!

– А почему... – не понял один из незнакомых магов. – Почему стрелка не пошла по крови?

– А это ты у будущего папы спроси. Кого он ждет – сына или дочку... – видимо от разочарования, Леон шутит так ехидно.

– Но ведь родная сестра... там кровь пока сильнее? – не сдается упрямый маг, и я оглядываюсь на Клару, – а ведь действительно...

– Она ему сестра только по матери, – вместо мага неожиданно отвечает генерал Тродинион, – отцы у них разные.

Нет, не нужно, не хочу этого слышать! И сразу не хотел, как теперь ясно понимаю! Потому и не старался распутывать клубок в эту сторону... не нравилось мне все, что там могло скрываться.

Ну ничуть не была она похожа на то чудовище, что пряталось в переплетениях этих интриг и тайн, хотелось верить, что не виновны ни в чем таком эти серые глаза... Да и моя интуиция не чувствовала в ней тех низменных качеств, что предполагала такая развязка.

– Тогда понятно, – разочарованно хмыкнул маг, и я облегченно вздохнул, безмерно благодарный ему за то, что он перестал задавать вопросы.

Хотя вовсе не был уверен, что через мгновение не задам их сам. И всеведущему генералу и себе. Теперь я просто обязан знать правду, какой бы она ни оказалась.

– Грег, ты идешь? – отвлек от тягостных раздумий голос Клары.

Что-то слишком она меня сегодня опекает. Даже смешно становится. Больше двенадцати лет назад, когда я пришел к ней первый раз, она была не такой заботливой. Хотя с новичками у нас не нянчатся. Мало ли кем человек хочет стать в юности. Для нашей работы одного желания мало. Нужно уметь вкладывать в дело всю душу, и не только. Бывает, мы не спим по несколько дней, а бывает, спим в таких местах, что потом об этом даже рассказывать неприятно. Например, не буду же я рассказывать, как спал на мраморном полу замка Монтееззи! То же самое и с едой, одеждой, дорогами... да со всеми сторонами жизни. Вот и не выдерживают новички, уходят в стражу, в сыскари, просто в торговлю.

Потому и не тратит магистр особых сил на всех своих подопечных, пока не поймет, что его усилия были не напрасны и новое королевское око готово к выполнению любого задания.

Портал засиял чистым светом, и мы бегом ринулись в него. Чтобы не тратить слишком много энергии. Так же бегом и отскакивали в сторону, уступая место пришедшим.

Пока магистры расставляют стол и снова раскладывают карту, разглядываю, куда занесла нас судьба. Ничего хорошего вокруг не находится, место, где разошлись пути девушек, – обычный перекресток двух незначительных дорог. Тут даже столба с указателем не видно, и это, с одной стороны, – хорошо, а с другой, – плохо.

Хорошо потому, что такие дороги заканчиваются обычно поблизости, либо в маленьких деревушках, либо в поместье. А плохо потому, что похититель не дурак, и скорее всего, немного дальше мы найдем след еще одного портала. Потому что прятаться в маленьком поместье стал бы только полный идиот.

Вскоре определилось одно из направлений, и небольшой отряд сыскарей на выведенных из портала лошадях уехал в ту сторону.

– Клара, а где мой Таур? – не оглядываясь, спрашиваю темноту.

– А ты уверен, что он понадобится? – немедленно отзывается она голосом наставницы.

– Пока нет. Но лучше, чтоб он был наготове.

– Его доставить – всего одна минута, – возражает магиня, и я, чуть подумав, соглашаюсь. Лучше подождать минуту мне, чем будет ждать полчаса он.

– Клара, – вспоминаю, о чем давно хотел спросить, – а милорда Монтееззи уже допросили? Ведь это явно его работа!

– Туда еще из пещеры выслали двух магов, – кивает она, – хотя непонятно, как это ему удалось. Ты же сказал, что отправил в камеру всех его друзей.

Да я и сам так думаю. Но проверить все версии просто необходимо. Терон, судя по его подкованности, будет потом жаловаться. Возможно, ему даже принесут извинения – если выяснится, что он невиновен.

Только моя интуиция просто вопит об обратном!

Следы портала нашлись неподалеку, в рощице, и маги решили перебираться туда на повозках, подоспевших из ближайшего городка, и верхом.

Своего Таура я решил не вызывать, просто сел в одну повозку с магиней, прихватив с собой Хенрика. Он выглядел таким несчастным и убитым, что многие поглядывали с невольным сочувствием.

Хотя и были уверены, что миледи не жертва, а ловкая интриганка, крутившая сразу двумя мужчинами, отцом и сыном. И послужившая причиной их раздора и смерти отца. А потом заставившая и брата участвовать в грязных делишках.

Мне не хотелось ни с кем говорить на эту тему, а тем более убеждать в обратном. Еще никогда в жизни я не чувствовал себя так отвратительно и отлично понимал, что сам виноват в этом. Ну почему мне пришлось в голову, что именно я должен ее защищать и спасать? Ничего ведь между нами не было, кроме нескольких поцелуев, ни клятв, ни обещаний...

Даже самый сверхморальный судья не признает за этой женщиной каких-либо прав на мое особое внимание.

И только неведомая сила, поселившаяся во мне, против моего желания толкала меня к поступкам, которые еще пару дней назад я бы рассудительно определил как неприемлемые для моей сущности.

Пока маги снова расставляют свой стол, а Хенрик мается рядом в ожидании, пока ему проколют очередной палец, я стискиваю зубы и отправляюсь искать генерала. Ясно, что именно он знает об этой истории больше других.

Генерал обнаружился быстро, он и не думал скрываться. По привычке всех воинов, приспособившихся к любым условиям, он уже пристроил свой тощий зад на застеленном плащом бревне и безмятежно наблюдает за котелком, висющим над костром.

И эта жизненная позиция неизменно вызывает у меня восхищение. В любой стране и любой ситуации такие как он, попав в незнакомое место, первым делом разжигают костер. Если, конечно, позволяют обстоятельства. И пока нет работы для их рук и ног, сидят у трепещущих жаром языков пламени, попивая неизменный чай.

– Садись, – показал он на место рядом с собой, и я даже не подумал отказываться.

Пару минут мы дружно смотрим на огонь, и я все не могу набраться решимости, чтобы задать вопрос, который жжет меня намного сильнее, чем жар близкого костра.

– Он был хорошим воином, – говорит вдруг мой сосед задумчиво, пошевеливая веткой угольки, – отличным стратегом, умелым тактиком. Любящим мужем. И нежным отцом новорожденному сыну. А потом... хм. Однажды он приехал темнее тучи... Я сразу понял: случилось что-то плохое... Вечерком позвал его к себе на ужин, поставил бутылку хорошего вина. Потом вторую... третью... не помню, после которой его прорвало. Все было просто... впрочем, как это обычно и бывает. Сестра жены – она у них гостила – разбила жизнь моего друга маленькой запиской. Гонец ждал его в соседней деревушке, через которую Доральд проезжал, направляясь на службу. Он, конечно, вернулся... Объехал замок лесом... Она ждала у маленькой двери, в которую носили дрова. Показала, куда идти, и побежала прятаться в свою комнату. А он помчался в дальнюю башню, где хранили всякий хлам... и застал их на горячем. Свою жену и садовника. Он только потом вспомнил, что садовник пришел устраиваться на службу всего за пару дней до свадьбы. Оказалось, они любили друг друга чуть ли не с детства... Но знатной девушке не судьба выходить замуж по любви. Доральд не смог простить обман. Он был слишком честный и прямолинейный человек. Жить с женщиной, которая любит другого... это было не про него. Он выгнал садовника, а ей предложил вернуться к родителям... или переехать в ту самую башню. Она выбрала башню.

– Грег! – прервал рассказ генерала крик Клары, и я с досадой скрипнул зубами.

Как она не вовремя!

– Что?

– Плохие новости, – виновато поглядывая на меня, объявила магиня, подходя ближе, – из Тазгола.

Все внутри сжалось в холодный комок.

– Ну?!

– Терон вечером подпоил стражника и ушел вместе с друзьями.

– Как это могло случиться?

– Ты же сам велел вести в платную камеру! – дернула она плечами, нисколько не осуждая меня за это.

Да и не было у меня в тот момент причин сажать его в другую! А платная отличается от обычной лишь тем, что там можно, заплатив, заказать дополнительные удобства. Постель, жаровню с нагретыми камнями, ужин из харчевни и даже бутылочку вина.

И никто не мог предположить, что тюремщик не откажется от предложенного угощения... Наверняка и раньше не отказывался, и все сходило с рук. А в этот раз не прошло.

– Открывай портал в замок, – мгновенно решил кто-то внутри меня. – Я устрою там засаду!

– Я с тобой. – Она даже не спрашивала, а утверждала. – Только сначала переговорю с Леоном.

– Жду пару минут.

Но ее уже нет рядом.

– Ты расскажешь... что было дальше? Когда я вернусь? – оглянулся я на генерала.

– Конечно. Если ты сам не узнаешь все раньше.

Как я могу узнать, когда все что-то скрывают? Хотя... понемногу начинает открываться эта коробочка, битком набитая переплетенными между собой человеческими судьбами. И как обычно бывает, счастливых в ней намного меньше, чем несчастных.

К portalу мы подошли преображенные чужими личинами и вооруженные лишь амулетами, хитро вплетенными в застёжки на одежде. Да несколько метательных ножей я вытребовал себе взамен арбалетов, отобранных решительной рукой Леоны.

В последний раз оглядываю черный парик и голубые, сильно покрашенные глазки Мари и вздыхаю. Тяжело мне в этот раз придется, все время нужно смотреть на нее влюбленным взглядом Хенрика, ведь именно его я сейчас изображаю. А сам Хенрик, служивший магам консультантом при наведении ими личины на Клару, стоит сейчас в сторонке и смотрит на нее с невыносимой тоской, видимо забыв от волнения, что это вовсе не настоящая Марита.

Комната, куда нас выбросил перенос, оказалась далеко не тем местом, куда мы рассчитывали попасть. Хенрик, не умеющий строить порталы из помещений, перебрасывал в Заречье себя и сестру с открытой веранды, расположенной с восточной стороны дома, там же и оставил один из амулетов привязки.

А мы оказались в какой-то мрачной комнате, заставленной поломанной мебелью и старыми сундуками. Пока я оглядываюсь и хоть приблизительно пытаюсь определить, где мы находимся, Клара отправляет вестника Леоны, который будет все время следить за нами по маячкам.

Дверь нашлась сразу и оказалась незапертой; я вздохнул свободнее. Я уж было встревожился, посчитав, что мы угодили в ловушку. Однако теперь склоняюсь к мысли, что это просто служанки вынесли сюда вместе с ненужными вещами найденный порталный камень Хенрика.

– Вот он, – шепчет Кларисса, – лежит на самом видном месте! Не похоже, чтобы его принесли сюда по ошибке.

Прежние подозрения возвращаются немедленно, и я отправляюсь проверить, куда ведет дверь. Короткий коридорчик кончается у застекленного и забранного решеткой узкого окна, под которым начинаются ступени винтовой лестницы, ведущей вниз. Но мне не нужно спускаться, чтобы точно сказать, где мы находимся.

Я и так уже это знаю. Самая дальняя из сторожевых башен замка Монтаеззи, именно та, в которой несколько лет прожила в добровольном заточении провинившаяся жена милорда. Пока мне делали личину, пока снаряжали Клару, старый генерал, пришедший посмотреть на

наши сборы, сидел рядом. И рассказывал печальную историю непобедимого полководца и несчастного человека милорда Монтаеззи.

Он трудно переживал измену жены, но самым болезненным ударом стали для полководца слова миледи о том, что она всегда любила другого.

На некоторое время крошка сын сосредоточил в себе все его помыслы, но неугомонная свояченица успела и тут. Словно ненароком как-то обронила, что мальчик не похож ни на мать, ни на отца, и это отравленное семя дало колючий росток. Жалящий своими ядовитыми иглами сердце милорда день и ночь.

В конце концов он отправился в башню, переступить порог которой закаялся самой страшной клятвой, и потребовал признания.

Вернулся милорд не скоро, женщина, не желавшая своему ребенку зла, долго не хотела раскрывать тайну его рождения. Но генерал уже к тому времени сопоставил даты и события и догадывался, что его обманули и тут.

Наконец она во всем призналась, сумев, однако, вырвать у обманутого супруга клятву, что мстить ребенку он не будет.

С тех пор внешне ничего не изменилось, малыш рос в тех же покоях, где и раньше, с ним занимались лучшие учителя, только у отца теперь не находилось для него свободного времени. А когда ему исполнилось семь лет, его мать умерла, и милорд немедленно отвез ребенка к ее родителям. Объяснив это тем, что мальчику после смерти матери нужно сменить обстановку.

Вот в то время он и завел суровые обычаи не устраивать празднеств и не ездить в гости. Хотя многие знатные дамы и девицы были совсем не против стать мачехой маленькому Терону. Но милорд не выказывал никакого интереса к таким претенденткам, и постепенно даже самые настойчивые оставили его в покое.

Больше генерал ничего рассказать не мог. Милорд попросил у короля отставку и зажил уединенной жизнью. А Терон, получавший из родительского замка неплохое содержание, постепенно превратился в одного из тех повес, что не встают с постели до заката и не перестают кутить до рассвета.

Милорд исправно платил по всем его карточным долгам, и его постепенно начали считать тихим слабохарактерным старичком, мирно доживающим свой век под сенью неприступных замковых стен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.